

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ И ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ИЗДАНИЕ Я. А. ИСАКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 11 Сентября 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

(1823—1831.)

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПЛЕТНЕВУ.

*Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебя представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣ души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;*

*Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Бессонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ *).

И жить торопится, и чувствовать спѣшитъ.

К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ ;
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ :
Его примѣръ другимъ наука ;
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь !
Какое низкое коварство
Полуживаго забавлять.
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать просебя :
Когда же чортъ возьметъ тебя !»

*) Въ выноскахъ сообщаемъ варианты перваго изданія 1825—1832.

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловія, сей же часть,
Позвольте познакомить васъ :
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я :
Но вреденъ сѣверъ для меня ¹.

III.

Служивъ отлично благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила :
Сперва *madame* за нимъ ходила,
Потомъ *monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтебъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,

¹ Писано въ Бессарабіи.

Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній-садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ dandy ² Лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-Французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцевалъ,
И кланялся непринужденно :
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнію многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ :
Имѣлъ онъ счастливый талантъ,
Безъ принужденья въ разговорѣ,
Коснуться до всего слегка ;

² Dandy, франтъ.

Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ неожиданныхъ эпиграмъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ :
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-Латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale,
Да помнилъ, хотъ не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыми
Бытописанія земли ;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить ;
Бранилъ Гомера, Феокрита ;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокий экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему

Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣеть.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь, —
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Навонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.

IX.

.
.
.

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрить,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,

..

Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь — и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ, ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!

Какія сѣти имъ готовилъ !
 Но вы, блаженные мужья,
 Съ нимъ оставались вы друзья :
 Его ласкалъ супругъ лукавый,
 Фобласа давній ученикъ,
 И недовѣрчивый старикъ,
 И рогоносецъ величавый,
 Всегда довольный самъ собой,
 Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.

 : . . .

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ,
 Къ нему записочки несутъ.
 Что, приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
 Три дома на вечеръ зовутъ :
 Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ. *)
 Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
 Съ кого начнетъ онъ? Все равно,
 Вездѣ поспѣтъ немудрено.
 Покамѣстъ въ утреннемъ уборѣ,
 Надѣвъ широкій боливаръ ³,
 Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,
 И тамъ гуляетъ на просторѣ,
 Пока недремлющій брегетъ
 Не прозвонитъ ему обѣдъ.

*) «У князя балъ, у графа праздникъ.»

³ Шляпа à la Bolivar.

XVI.

Ужъ темно ; въ санки онъ садится ;
« Поди ! поди ! » раздался крикъ ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ Talon ⁴ помчался : онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его ***;
Вошелъ, и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
И трюфи, роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,
И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
Залить горячій жиръ котлетъ ;
Но звонъ брегета имъ доносить,
Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать entrechat,
Обшикать Федру, Клеопатру,

⁴ Извѣстный рестораторъ.

Моину вызвать — для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край ! Тамъ, въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣлилъ ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой ;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой ;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой ;
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини ! Что вы ? Гдѣ вы ?
Внемлите мой печальный гласъ :
Все тѣже ль вы ? другія ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ ?
Услышу ль вновь я ваши хоры ?
Узрю ли Русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ ?
Иль взоръ унымый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушной,

Безмолвно буду я зѣвать
И о быломъ вспоминать ?

XX.

Театръ ужъ полонъ ; ложи блещутъ ;
Партеръ и кресла, все кипитъ ;
Въ райкъ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись занавѣсъ шумить.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина ; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола ;
То станъ советъ, то разовѣтъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ ;
Идетъ межъ креселъ по ногамъ ;
Двойной лорнетъ скосясь наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ ;
Всѣ ярусы окинувъ взоромъ,
Все видѣлъ : лицами, уборомъ,
Ужасно недоволенъ онъ ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся ; потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ,
И молвилъ : « всѣхъ пора на смѣну ;

Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ»⁵.

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спать ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать ;
Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари ;
Еще прозябнувъ бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругъ огней
Бранятъ господъ — и бьютъ въ ладони,
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ :
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной,
Торгуетъ Лондонъ щепетильной,
И по Балтическимъ волнамъ

⁵ Черта охлажденного чувства, достойная Чильдъ-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей Французской Литературѣ.

За лѣсъ и сало возить намъ,
 Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
 Полезный промыселъ избравъ,
 Изобрѣтаетъ для забавъ,
 Для роскоши, для нѣги модной, —
 Все украшало кабинетъ
 Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
 Фарфоръ и бронза на столѣ,
 И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
 Духи въ граненомъ хрусталѣ;
 Гребенки, пилочки стальные,
 Прямые ножницы, кривые,
 И щетки тридцати родовъ,
 И для ногтей, и для зубовъ.
 Руссо (замѣчу мимоходомъ)
 Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
 Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
 Краснорѣчивымъ сумасбродомъ? ⁶

⁶ Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.
(Confessions de J. J. Rousseau).

Гриммъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особенною щеточкою.

Защитникъ вольности и правъ
Въ семь случаѣ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей :
Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай — деспотъ межъ людей.
Второй ***, мой Евгенийъ,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтренной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ ;
Конечно бъ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло ;
Но *панталоны, фракъ, жилетъ*, —
Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ.
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бъ могъ
Иноплеменными словами,

Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметъ.
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретъ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами,
Вдоль сонной улицы, рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводятъ,
Усѣянъ площадками кругомъ,
Блеститъ великолѣпный домъ ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взметѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волосы рукой.
Вошелъ. Полна народу зала ;
Музыка ужъ гремѣтъ устала ;
Толпа мазуркой занята ;
Кругомъ и шумъ и тѣснота ;
Бренчатъ кавалергарда шпоры ;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ,
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,

И ревомъ скрипокъ заглушень
Ревнивый шепотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума :
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О вы, почтенные супруги !
Вамъ предложу свои услуги ;
Прошу мою замѣтить рѣчь :
Я васъ хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, поостороже ,
За дочерьми смотрите вслѣдъ,
Держите прямо свой лорнетъ,
Не то.... не то, избави Боже !
Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ !
Но если бъ не страдали нравы,
Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманнѣйшій нарядъ ;
Люблю ихъ ножки — только врядъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
Ахъ, долго я забыть не могъ
Двѣ ножки !... Грустный, охладѣлой,

Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ *).

XXXI.

Когда жъ и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
Взмелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ я забывалъ
И жажду славы и похвалъ,
И край отцевъ и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ!

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду,
Неоцѣненную награду
Влечетъ условною красой

*) «Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой —
«И нынче иногда во снѣ
«Онѣ смущаютъ сердце мнѣ *).»

*) «Непростительный галлицизмъ. Соч.» (Прим. Пушкин.)

Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугунѣ камина,
На зеркальномъ паркетѣ залъ,
У моря на гранитѣ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою :
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ !
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами !
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей,
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста молодыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полные томленьемъ,
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей !

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время :
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,

Опять тоска, опять любовь....
Но, полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей :
Онѣ не стоятъ ни страстей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ,
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ.
На биржу тянется извозчикъ,
Съ кувшиномъ Охтянка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный ;
Открыты ставни ; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, Нѣмецъ аккуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *vasisdas*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется заполдень, и снова
До утра жизнь его готова ;
Однообразна и пестра,

И завтра то же, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгенийъ,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди всеневныхъ наслаждений?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой,
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова;
И хотъ онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный Англійскому *сплину*,
Короче — Русская *хандра*
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣмиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,

Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
 Какъ Child-Harold, угрюмый, томный,
 Въ гостиныхъ появлялся онъ ;
 Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XII.

.

XLII.

Причудницы большаго свѣта !
 Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ высшій *) тонъ.
 Хоть, можетъ быть, иная дама
 Толкуетъ Сея и Бентама ;
 Но вообще ихъ разговоръ
 Несносный, хоть невинный вздоръ.
 Къ тому жъ онѣ такъ непорочны,
 Такъ величавы, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, такъ точны, **)

*) «Лучшій».

**) «Къ тому жъ онѣ такъ величавы,
 Такъ непорочны, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ чисто сохраняютъ нравы.»

Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ ⁷.

XLIII.

И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По Петербургской мостовой, —
И васъ покинулъ мой Евгенийъ.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошень ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу,
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлю,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлю
Себѣ присвоить умъ чужой ;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку :

⁷ Вся сія ироническая строфа ни что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалитъ Лудовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностью и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестью, столь плѣнившю Г-жу Сталь.
(См. *Dix ans d'exil.*)

Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ ,
На всѣхъ различныя вериги ;
И устарѣла старина,
И старымъ бредить новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей
Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ ;
Страстей игру мы знали оба :
Томила жизнь обоихъ насъ ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ ,
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей ;
Кто чувствовалъ, того тревожить
Призракъ невозвратимыхъ дней —
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,

Того раскаянье грызетъ.
 Все это часто придаетъ
 Большую прелесть разговору.
 Сперва Онѣгина языкъ
 Меня смущалъ, но я привыкъ
 Къ его язвительному спору,
 И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
 И къ злости мрачныхъ эпиграмъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
 Когда прозрачно и свѣтло
 Ночное небо надъ Невою ⁸,

⁸ Читатели помнятъ прелестное описаніе Петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича.

«Вотъ ночь: но не меркнуть златистыя полосы облакъ.
 Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность.
 На взморьѣ далеко въ сребристыя видны вѣтрила
 Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
 Сіяньемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
 И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока:
 Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
 Румяное утро. Была то година златая,
 Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи,
 Какъ взоръ иноплеменца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
 Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
 Какимъ никогда не украшено небо полудня,
 Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
 Которой глаза голубые и алые щеки
 Едва отбѣгаются русыми локонами волнами.
 Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
 Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни,
 Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
 И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.

И водъ веселое стекло
 Не отражаетъ ликъ Діаны,
 Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
 Воспомня прежнюю любовь,
 Чувствительны, безпечны вновь,
 Дыханьемъ ночи благосклонной
 Безмолвно упивались мы!
 Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрьмы
 Перенесенъ колодникъ сонной,
 Такъ уносились мы мечтой
 Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душею, полной сожалѣній,
 И опершися на гранитъ,
 Стоялъ задумчиво Евгеній,
 Какъ описалъ себя піитъ⁹.
 Все было тихо; лишь ночные
 Перекликались часовые,

Но поздно; повѣяла свѣжесть на Невскія тундры;
 Роса опустилась;.
 Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью весель,
 Нева не колыхнетъ; разѣхались гости градскіе;
 Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо.
 Лишь изрѣдка гуль отъ мостовъ пробѣжитъ надъ водою;
 Лишь крикъ протяженный изъ дальней промчится деревни,
 Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
 Все спитъ.

- ⁹ Взявъ богиню благосклонну
 Зритъ восторженный Піитъ,
 Что проводитъ ночь безсонну,
 Опершися на гранитъ.

(М. Н. Муравьевъ. Богиня Невы.)

Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ,
И насъ плѣняла вдалекѣ
Рожокъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ !

XLIX.

Адріатическія волны !
О Брента ! Нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ !
Онъ святъ для внуковъ Аполлона ;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ Венеціянкою молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Прійдетъ ли часть моей свободы ?
Пора, пора ! взываю къ ней ;
Брожу надъ моремъ ¹⁰, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.

¹⁰ Писано въ Одессѣ.

Подъ ризой бурь съ волнами спора,
По вольному распутью моря
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей ¹¹
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ....

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Займодавцевъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ;
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалика
Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ, въ самомъ дѣлѣ,
Отъ управителя докладъ,

¹¹ Авторъ, со стороны матери, происхожденія Африканскаго.

Что дядя при смерти въ постелѣ,
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ,
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги :
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель, —
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,

Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій, роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины :
Въ глуши звучнѣе голосъ лирпой,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвятяться невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И far niente мой законъ.
Я каждымъ утромъ пробужденъ
Для сладкой нѣги и свободы :
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствиі, въ тиши,
Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.

Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ, —
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати : всѣ поэты
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохраняла ;
Ихъ послѣ Муза оживила :
Такъ я, безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеалъ,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь отъ васъ, мои друзья,
Вопросъ нерѣдко слышу я :
« О комъ твоя вздыхаетъ лира?
Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
Ты посвятилъ ея напѣвъ?

LVIII.

« Чей взоръ, волнующее вдохновеніе,
Умильной лаской наградишь

Твое задумчивое пѣнье?
Кого твой стихъ боготворилъ?»
И, други, никого, ей Богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя во слѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ.
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсень въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову,

Покажѣсть моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго :
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Ценсурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ моихъ отдамъ :
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ сдавы дань —
Кривыя толки, шумъ и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

O rus!

Нор.

O Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
Была прелестный уголокъ ;
Тамъ другъ невинныхъ наслаждений
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою ; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны :

Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право почему,
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ, и мухъ давилъ.
Все было просто : полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ :
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливкоу цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмаго года :
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,

Сперва задумалъ нашъ Евгений
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынной,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ —
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему Донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорблясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Все *да*, да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
Иль *нѣтъ-съ*.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,

И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ :
По имени Владиміръ Ленской,
Съ душою прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды :
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пыкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ,
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда ;
Его лелѣла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой ;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозревалъ *).

*) «Воображалъ».

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна ;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она ;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника ;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья,
Что ихъ безстрастная семья
Неотразимыми лучами
Насъ новымъ счастьемъ озарить
И миръ блаженствомъ подарить.

IX.

Негодование, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ,
Подъ небомъ Шиллера и Гете ;
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ ;
И Музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ :
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенные чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль, *)
И романтическія розы ;
Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
Гдѣ долго въ лонѣ тишины
Лились его живыя слёзы.
Онъ пѣлъ поблеклой жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
Могъ оцѣнить его дары,
Господь сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры ;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумной
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни острою, ни умомъ,

*) «И романтическую даль,
И увядающія розы....»

Ни общежитія искусствомъ ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ. *)

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ ;
Таковъ обычай деревенскій :
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полу-Русскаго сосѣда.
Войдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой ;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай ;
Ей шепчутъ : «Дуня, примѣчай !»
Потомъ приносятъ и гитару,
И запищитъ она (Богъ мой !) :
Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой ! ¹²...

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свестъ.
Они сошлись : волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой

*) «Еще былъ менѣе уменъ.»

¹² Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

Они другъ другу были скучны,
Потомъ понравились, потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди, первый каюсь я,
Отъ *дѣлать—нечего* друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами.
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя ;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны ;
Двуногихъ тварей миллионы
Для насъ орудіе одно ;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣ многихъ былъ Евгеній ;
Хоть онъ людей, конечно, зналъ,
И вообще ихъ презиралъ ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній :
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой :
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ. —
Онѣгину все было ново ;
Онъ охлаждающее слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ : глупо мнѣ мѣшать

Его минутному блаженству ;
И безъ меня пора прійдетъ ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ ,
Да вѣритъ міра совершенству ;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ , и юный бредъ .

XVI.

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло :
Племень минувшихъ договоры ,
Плоды наукъ , добро и зло ,
И предразсудки вѣковые ,
И гроба тайны роковыя ,
Судьба и жизнь , въ свою чреду —
Все подвергалось ихъ суду .
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ , забывшись , между тѣмъ ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ ;
И снисходительный Евгений
Хоть ихъ немного понималъ ,
Прилежно юношѣ внималъ .

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ .
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти ,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья .
Блаженъ , кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ ;
Блаженнѣй тотъ , кто ихъ не зналъ ,

Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ !

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подѣ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, ихъ порывы
И запоздалые отзывы :
Смиренные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелить ;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонить слухъ прилежный
Къ разсказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать :
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя.

Свою довѣрчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами рассказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена :
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль !
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни Музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочили вѣнцы,
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.

Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенной,
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ ;
И мысль объ ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя !
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулку средь вечерней тмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду....
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ.... Но любой романъ

Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ : онъ очень милъ ;
Я прежде самъ его любилъ ;
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна ¹³....
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ ? оно пріятно, звучно ;
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины,
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкусу очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщеніе не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла бъ она очей.

¹³ Сладкозвучнѣйшія Греческія имена, каковы, на примѣръ :
Агэонъ, Филать, Ѳедора, Ѳекла и проч., употребляются у насъ
только между простолюдинами.

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой,
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей ;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Течение сельскаго досуга
Мечтами украшала ей ;
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта :
Съ послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала ;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.

И были дѣтскія проказы
Ей чужды ; страшные рассказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла :
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренихъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ празднои тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы ;
Они ей замѣняли всё ;
Она влюбилась въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.,

Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый,
Но въ книгахъ не видалъ вреда :
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла ; ¹⁴
Но встарину Княжна Алина,
Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволѣ
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ —
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ, и Гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.

¹⁴ Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

Но, не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась,
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свѣше намъ дана,
Замѣна счастію она ¹⁵.

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну какъ супругомъ
Единовластно управлять, *)
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь,
Все это мужа не спросясь.

¹⁵ Si j'avois la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude. (Шатобрианъ.)

*) «Какъ Простакова управлять».

XXXIII.

Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила на-распѣвъ ;
Корсетъ носила очень узкій,
И Русскій Н, какъ Н Французскій,
Произносить умѣла въ носъ ;
Но скоро все перевелось :
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла — стала звать
Акулкой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватъ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась ;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья —
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходитъ время ; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить ;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины :
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились Русскіе блины.
Два раза въ годъ они говѣли,
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебенъ,
Умильно на пучокъ зари
Они роняли слезки три.
Имъ квасъ какъ воздухъ былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ :
*Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и Бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.*

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ ;
И долго сердцу грустно было.
«Roog-Yorick! ¹⁶ молвилъ онъ уныло,
Онъ на рукахъ меня держалъ ;
Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
Его Очаковской медалью!
Онъ Ольгу прочилъ за меня,
Онъ говорилъ : дождусь ли дня?...»
И, полный искренней печалью,
Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ
Почтилъ онъ прахъ патріархальной....
Увы на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падаютъ ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ....
Такъ наше вѣтряное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ,

¹⁶ Бѣдный Юрикъ! — восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута. (См. Шекспира и Стерна.)

И къ гробу прадедовъ тѣснить. *)
Прійдетъ, прійдетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покаместъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья !
Ея ничтожность разумѣю,
И мало къ ней привязанъ я ;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды ;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда :
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной ;
Быть можетъ — лестная надежда ! —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить : то-то былъ поэтъ !....

*) «Слѣшить».

Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика !

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Elle était fille, elle était amoureuse.

MALFILATRE.

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!
— Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора. —
«Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»
— У Лариныхъ. — «Вотъ это чудно.
Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
— Ни мало. — «Не могу понять.
Отселѣ вижу, что такое:
Во-первыхъ, слушай, правъ ли я?
Простая, Русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про лень, про скотный дворъ....»

II.

— Я тутъ еще бѣды не вижу. —
 «Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
 — Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
 Милѣ мнѣ домашній кругъ,
 Гдѣ я могу.... — «Опять эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну, чтожъ? ты ѣдешь: очень жаль.
 Ахъ, слушай, Ленскій, да нельзя ль
 Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
 Предметъ и мыслей, и пера,
 И слезъ, и рифмъ et cetera?
 Представь меня». — Ты шутишь! — «Нѣту».
 — Я радъ. — «Когда же?» — Хоть сейчасъ.
 Онѣ съ охотой примутъ насъ.

III.

«Поѣдемъ.»

Поскакали други,
 Явились; имъ расточены
 Порой тяжелыя услуги
 Гостепріимной старины.
 Обрядъ извѣстный угощенья:
 Несутъ на блюдечкахъ варенья,
 На столикъ ставятъ воцаной
 Кувшинъ съ брусничною водой.

.

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ ¹⁷.
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— Ну, что жъ, Онѣгинъ? ты зѣваешь. —
«Привычка, Ленскій.» — Но скучаешь
Ты какъ-то больше. — «Пѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
Какія глупыя мѣста!
А, кстати : Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь : брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бъ вреда.»

V.

«Скажи, которая Татьяна?»
— Да та, которая грустна
И молчалива какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна. —
«Неужто ты влюбленъ въ меньшую?»
— А что? — «Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,

¹⁷ Въ первомъ изданіи, вмѣсто *домой летятъ*, было ошибкою напечатано *зимой летятъ* (что не имѣло никакого смысла). Критики, того не разобравъ, находили апохронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ.

Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время разсчислено по календарю.

Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ : *)
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глубомъ небосклонѣ. »
Владиміръ сухо отвѣчалъ,
И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленіе
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣніе,
И всѣхъ сосѣдей развлекало.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колецъ не достали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадой
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадой
Невольно думала о томъ;
И въ сердце дума заронила;
Пора пришла, она влюбилась :

*) «Какъ у Вандиковой Мадонѣ. »

Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала.... кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвъ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердитъ о немъ. Докучны ей
И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ она,
И проклиная ихъ досуги,
Ихъ неожиданный пріѣздъ
И продолжительный пріѣстъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,

Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И неподобный Грандисонъ ¹⁸,
Который намъ наводитъ сонъ;
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ :
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и, себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя....
Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настрой,
Бывало пламенный творецъ

¹⁸ Юлія Вольмаръ — Новая Элоиза. Малекъ-Адель, герой посредственнаго романа М-е Cottin. Густавъ де Линаръ, герой прелестной повѣсти баронессы Крюднеръ.

Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда несправедливо гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И пріятельнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокомъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ.
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ ¹⁹.
Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
Облекъ въ унылый романтизмъ —
И безнадежный эгоизмъ.

¹⁹ Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмотъ, гениальное произведение Матюрина. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карла Нодье.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы :
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья Русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условенныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья ;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ....
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвѣкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью :
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая ; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты :
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ свиданій ;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искунитель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонить,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонить,
И лѣнь ей далѣе ступить :
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ....
Настанетъ ночь , луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ :

XVII.

«Не спится, няня : здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
— Что, Таня, что съ тобой? — «Мнѣ скучно;
Поговоримъ о старинѣ.»
— О чемъ же, Таня? Я, бывало,
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня,
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая чередъ!
Зашибло.... — «Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года :
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. —
«Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую....
Да ты не слушаешь меня.... —
«Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя :
Я плакать, я рыдать готова!...»
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь, помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси....
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь.... — «Я не больна;
Я.... знаешь, няня.... влюблена.»
— Дитя мое, Господь съ тобою! —
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

«Я влюблена,» шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— Сердечный другъ, ты нездорова. —
«Оставь меня : я влюблена.»
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрейкѣ;

И все дремало *) въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну....
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась....
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу;
Прости.» И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгеній на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено....
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима,
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада :

*) «Дышало.»

Оставь надежду навсегда ²⁰.

Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на берегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво-равнодушныхъ
Для вдовцовъ страстныхъ и похвалъ.
И что жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ, суровымъ поведенъемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь
По крайней мѣрѣ сожалѣньемъ;
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй.
И съ легковѣрнымъ ослѣпленъемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то ль, что любитъ безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,

²⁰ *Lasciate ogni speranza voi ch' ntrate.* Скромный авторъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Уже ли не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судить хладнокровно;
Татьяна любить не шутя,
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она : отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье :
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,

И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
И такъ писала по-Французски....
Что дѣлать! повторяю вновь :
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-Русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю : дамъ хотятъ заставить
Читать по-Русски. Право, страхъ !
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ ²¹ въ рукахъ !
Я шлюсь на васъ, мои поэты !
Не правда ль : милые предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной ?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балъ,
Иль при разѣздѣ на крыльцѣ —

²¹ Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ,
 Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
 Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
 Безъ грамматической ошибки
 Я Русской рѣчи не люблю.
 Быть можетъ, на бѣду мою,
 Красавицъ новыхъ поколѣнье,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ,
 Къ грамматикѣ пріучить насъ;
 Стихи введутъ въ употребленіе:
 Но я.... какое дѣло мнѣ?
 Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
 Неточный выговоръ рѣчей
 По прежнему сердечный трепетъ
 Произведутъ въ груди моей;
 Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
 Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
 Какъ прошлой юности грѣхи,
 Какъ Богдановича стихи.
 Но полно. Мнѣ пора запяться
 Письмомъ красавицы моей;
 Я слово далъ, и что жъ? ей-ей
 Теперь готовъ ужъ отказаться.
 Я знаю: нѣжнаго Парни
 Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и грусти томной ²²,

²² Е. А. Баратынский.

Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой,
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменные слова.
Гдѣ ты? прійди — свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ....
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ подъ Финскимъ небосклономъ
Онъ бродить, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И пачитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онегину.

«Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣнїемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бѣ никогда,
Когда бѣ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать обѣ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорить, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно;
А мы.... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бѣ васъ,
Не знала бѣ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?)
По сердцу я нашла бы друга,

Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтъ....
То воля Неба — я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой....
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твоей голосъ раздавался
Давно.... Нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искушитель?

Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное....
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю....
Вообрази : я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ ;
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя : единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю! страшно перечестъ....
Стыдомъ и страхомъ замираю....
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю....»

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ ;
Письмо дрожить въ ея рукѣ ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина

Сквозь паръ яснѣтъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будить селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно :
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой,
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филиппевна сѣдая
Приноситъ на подносѣ чай.
— Пора, дитя мое, вставай :
Да ты, красавица, готова !
О пташка ранняя моя !
Вечоръ ужъ какъ боялась я !
Да, слава Богу, ты здорова !
Тоски ночной и слѣду нѣтъ,
Лице твое какъ маковъ цвѣтъ. —

XXXIV.

«Ахъ! няня, сдѣлай одолженъе....»
— Изволь, родная, прикажи! —
«Не думай.... право.... подозрѣнье....
Но видишь.... Ахъ! не откажи.»
— Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука. —
«И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О.... къ тому....
Къ сосѣду.... да велѣтъ ему,
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,

Чтобъ онъ не называлъ меня....»

— Кому же, милая моя?

Я нынче стала безтолкова.

Кругомъ сосѣдей много есть :

Куда мнѣ ихъ и перечестъ. —

XXXV.

«Какъ недогадлива ты, няня!»

— Сердечный другъ, ужъ я стара,

Стара; тупѣтъ разумъ, Таня ;

А то, бывало, я востра :

Бывало, слово барской воли.... —

«Ахъ, няня, няня! до того ли?

Что нужды мнѣ въ твоємъ умѣ?

Ты видишь, дѣло о письмѣ

Къ Онѣгину.» — Ну, дѣло, дѣло. .

Не гнѣвайся, душа моя,

Ты знаешь, непопята я....

Да что жъ ты снова поблѣднѣла? —

«Такъ, няня, право ничего.

Пошли же внука своего.»

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.

Другой насталь : все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,

Татьяна ждетъ : когда жъ отвѣтъ?

Пріѣхалъ Олыинъ обожатель.

«Скажите : гдѣ же вашъ пріятель?»

Ему вопросъ хозяйки былъ :

«Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»

Татьяна вспыхнувъ задрожала.

— Сегодня быть онъ общалъ,
Старушки Ленской отвѣчалъ :
Да видно почта задержала —
Татьяна потупила взоръ,
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось ; на столѣ блистая
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая ;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавалъ ;
Татьяна предъ окномъ стояла ;
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель *О* да *Е*.

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней ныла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ !... кровь ея застыла.
Вотъ ближе ! скачутъ.... и на дворъ
Евгеній. « Ахъ ! » и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ ;
Летитъ, летитъ ; взглянуть назадъ
Не смѣетъ ; мигомъ обѣжала

Куртины, мостики, лужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ,
Кусты сирень переломала,
По цвѣтникамъ летя къ ручью,
И задыхаясь на скамью

XXXIX.

Упала....

«Здѣсь онъ ! здѣсь Евгений !

О Боже ! что подумалъ онъ ! »
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранить надежды темный сонъ ;
Она дрожитъ и жаромъ пышитъ,
И ждетъ нейдетъ ли ? Но не слышитъ.
Въ саду служанки на грядахъ
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣньемъ были заняты :
Затѣя сельской остроты !)

Пѣсня дѣвушекъ.

« Дѣвицы красавицы,
Душеньки подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь милыя !
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца

Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.»

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепеть сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланить пыланье ;
Но въ персяхъ то же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланить,
Но ярче, ярче лишь горить.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалика
Въ кусты припадашаго стрѣлка. *

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей ;
Пошла: но только повернула

Въ аллею, прямо передъ ней,
Блестая взорами, Евгенийъ
Стоитъ подобно грозной тѣни;
И какъ огнемъ обожжена
Остановилася она.
Но слѣдствіи неожиданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять, и отдохнуть :
Докончу послѣ какъ нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature de choses.

NECKER.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣ губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ бывало хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя —
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ :
Ломасовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно?
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно?
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ?
Кого не утомить угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей?

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгений:
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблуждений
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ навремя очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтренымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ, какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утрата жизни лучшей цвѣтъ!

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ нибудь;
Откажутъ — мигомъ утѣшался;
Измѣнять — радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На *вистъ* вечерній пріѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра,
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засышаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронуть былъ :
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ : «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья ;
Мнѣ ваша искренность мила ;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства ;
Но васъ хвалить я не хочу ;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства ;
Примите исповѣдь мою :
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ ;
Когда бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнймся я хоть мигъ единой,
То вѣрно бъ кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блесстокъ мадригальныхъ :
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ.... сколько могъ !

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства,
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства :
Ихъ вовсе недостойнъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой. -
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать — ваши слезы
Не тронуть сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на долго дней !

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ
И днемъ и вечеромъ одна ;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ !
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата ;
Не обновлю души моей....
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва :
Смѣнитъ не разъ молодая дѣва
Мечтами легкія мечты :
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно небомъ суждено.
Полюбите вы снова ; но....
Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгеній.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, *машинально*)
Татьяна молча оперлась ;
Головкой томною склонясь,
Пошла домой вокругъ огорода ;
Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пѣнять на то :
Имѣетъ сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель;
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не щадило ничего.
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и тоже)
Его честили такъ и саякъ.
Враговъ имѣеть въ мірѣ всякъ :
Но отъ друзей спаси насъ, Боже !
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья !
Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что ? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты ;
Я только *въ скобкахъ* замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакъ врaемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграмы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой ;
А впрочемъ онъ за васъ горой :
Онъ васъ такъ любитъ.... какъ родной !

XX.

Гм! гм! Читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значать именно *родные*.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать,
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они....
И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своенравіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ....
А милый полъ, какъ пухъ, лежокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самага себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва раждающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ,
Блѣднѣетъ, гаснетъ — и молчитъ !
Ничто ея не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣди шепчутъ межъ собою :
Пора, пора бы замужъ ей!...
Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье ;
Простите мнѣ : я такъ люблю
Татьяну милую мою !

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владимиръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ въ потемкахъ двое ;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой ;
И что жъ ? Любовью упоенный,
Въ смятеніи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ ;
А между тѣмъ двѣ—три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далѣко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи своѣю.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой, и дома
Онъ занятъ Ольгою своею ;
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей ;
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка,
Перомъ, и красками слегка ;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья *).

*) Въ Моск. Вѣстникѣ : «свиданья».

Мгновенной думы легкій слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь :
Qu'écirez vous sur ces tablettes?
И подпись : *l. à v. Annette ;*
А на послѣднемъ прочитаешь :
*«Кто любитъ больше тебя,
Пусть пишетъ дальше меня.»*

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки ;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски ;
Какойнибудь *nîmъ* армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужить благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою

Не стануть важно разбирать,
Остро иль нѣтъ я могъ соврать. *)

XXX.

По вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстаго кистью чудотворной,
Иль Баратынского перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ !
Когда блистательная дама
Мнѣ свой *in-quarto* подаетъ **),
И дрожь, и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма
Во глубинѣ моей души.
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышитъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ :
И полны истины живой
Текутъ элегіи рѣкой.

*) «Не стануть *важно* разбирать
*Остро*ль иль нѣтъ я могъ соврать.»

**) «подаетъ».

Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
 Въ порывахъ сердца своего,
 Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
 И сводъ элегій драгоцѣнный
 Представитъ нѣкогда тебѣ
 Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгій
 Повелѣваетъ сбросить намъ
 Элегіи вѣнокъ убогій;
 И нашей братьѣ, рифмачамъ,
 Кричитъ : «Да перестаньте плакать,
 И все одно и то же квакать,
 Жалѣть *о презнемѣ, о быломѣ* :
 Довольно, — пойте о другомъ!»
 — Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
 Трубу, личину и кинжалъ,
 И мыслей мертвый капиталъ
 Отвсюду воскресить прикажешь :
 Не такъ ли, другъ? — Ни чуть. Куда!
 «Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
 Какъ было встарь заведено....»
 — Однѣ торжественныя оды!
 И, полно, другъ, не все ль равно?
 Припомни, что сказалъ сатирикъ.
Чужаго толка хитрый лирикъ
 Ужели для тебя сноснѣй
 Унылыхъ нашихъ рифмачей? —

«Но все въ элегіи ничтожно;
Пустая цѣль ея жалка;
Межъ тѣмъ цѣль оды высока
И благородна....» Тутъ бы можно
Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ волненіи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писалъ бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья! Говорятъ,
Что въ мірѣ выше нѣтъ наградъ.
И впрямь, блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсень и любви,
Красавицѣ пріятно-томной!
Блаженъ.... хоть можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ
Подругѣ юности моей;
Да послѣ скучнаго обѣда,
Ко мнѣ забредшаго сосѣда
Поймавъ неждано за полу,
Душу трагедіей въ углу,

Или (но это кромѣ шутокъ),
 Тоской и рифмами томимъ,
 Бродя надъ озеромъ моимъ,
 Пугаю стадо дикихъ утокъ :
 Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
 Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI ²³. XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
 Терпѣнья вашего прошу :
 Его всеневныя занятія,
 Я вамъ подробно опишю.
 Онѣгинъ жилъ апахоретомъ ;
 Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
 И отправлялся налегкѣ
 Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ,
 Пѣвцу Гюльнары подражая,
 Сей Гелмеспонтъ переплывалъ,

²³ Эта строфа была напечатана въ первомъ изданіи :

Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ....
 А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
 Поэзію клянеть и свищетъ,
 Спуская бережно курокъ.
 У всякаго своя охота,
 Своя любимая забота :
 Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
 Кто бредитъ рифмами, какъ я,
 Кто бьетъ хлопущей мухъ нахальныхъ,
 Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
 Кто забавляется войной,
 Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
 Кто занимается виномъ :
 И благо смѣшано со зломъ.

★

Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался.

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтение, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина :
Вотъ жизнь Онѣгина святая ;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая,
Забывъ и городъ, и друзей,
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
Карриатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нѣтъ : извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ

Тянулся къ югу : приближалась
Довольно скучная пора —
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

LXI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва ²⁴
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трепещитъ лучинка передъ ней.

XII.

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей....
(Читатель ждетъ ужъ рифмы *розы* :
На, вотъ, возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блится рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ

²⁴ Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы *дѣвчонками* !

Коньками звучно рѣжетъ ледъ ; ²⁵
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользить и падаетъ ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
Гулять ! Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпля ледъ,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной,
Читай : вотъ Прадтъ, вотъ W. Scott!
Не хочешь ? Повѣрай расходъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
Кой-какъ пройдетъ, и завтра тожъ,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ-Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь :
Со сна садится въ ванну со льдомъ ;
И послѣ, дома цѣлый день,

²⁵ «Это значитъ,» замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ :
«что мальчишки катаются на конькахъ.» Справедливо.

Одинъ, въ расчеты погруженный,
 Тупымъ кіемъ вооруженный,
 Онъ на бильярдъ въ два шара
 Играетъ съ самаго утра ;
 Настанетъ вечеръ деревенскій,
 Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
 Передъ каминномъ столъ накрытъ,
 Евгенийъ ждетъ : вотъ ѣдетъ Ленскій
 На тройкѣ чалыхъ лошадей ;
 Давай обѣдать поскорѣй !

XLV.

Вдовы Клико или Моэта
 Благословенное вино
 Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
 На столъ тотчасъ принесено.
 Оно сверкаетъ Ипокреной ²⁶ ;
 Оно своей игрой и пѣной
 (Подобіемъ того-сего)
 Меня плѣнило : за него
 Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
 Давалъ я, помните ль, друзья?
 Его волшебная струя
 Раждала глупостей не мало ;
 А сколько шутокъ, и стиховъ,
 И споровъ, и веселыхъ сновъ !

²⁶ Въ лѣта красныя мои
 Поэтическій аи
 Нравился мнѣ пѣной шумной,
 Симъ *подобіемъ любви*
 Или юности безумной, и проч.

(Посланіе къ Л. П.)

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я *бордо* благоразумной
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ *аи* я больше неспособенъ ;
Аи любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтряной, живой,
И своенравной, и пустой....
Но ты, *бордо*, подобенъ другу,
Который въ горѣ и въ бѣдѣ,
Товарищъ всегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихій раздѣлитъ досугъ.
Да здравствуетъ *бордо*, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ, едва золою
Подернуть уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла....
(Люблю я дружескія враки
И дружескій бокалъ вина
Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь бесѣдуютъ друзья.

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
Что Ольга рѣзвая твоя?»
— Налей еще мнѣ полстакана....
Довольно, милый.... Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!... Когда нибудь
Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ.... какой же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ. —

XLIX.

«Я?» — Да, Татьяны именины
Въ субботу. Оленька и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не пріѣзжать. —
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду....»
— И, никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Поѣдемъ, сдѣлай одолженъе!
Ну, что жъ? — «Согласенъ.» — Какъ ты милъ! —
При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношенъе,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу; такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Черезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ :
И тайна брачныя постели,
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена...²⁷
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ.... по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ,
Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто, хладный умъ угомонивъ, .
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній впившійся цвѣтокъ ;
Но жалоъ тотъ, кто все предвидитъ,
Чья не кружится голова,

²⁷ Августъ Лафонтенъ, авторъ множества семейственныхъ романовъ.

Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ !

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!

ЖУКОВСКІЙ.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ ;
Зимы ждала-ждала природа —
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ :
Все ярко, все•бѣло кругомъ.

II.

Зима.... Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ путь ;

Его лошадка, снѣгъ почуя,
 Плетется рысью какъ нибудь ;
 Бразды пушистыя взрывая,
 Летитъ кибитка удамая ;
 Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
 Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
 Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
 Въ салазки *жуучку* посадивъ,
 Себя въ коня преобразивъ ;
 Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ :
 Ему и больно, и смѣшно,
 А мать грозить ему въ окно....

III.

Но, можетъ быть, такого рода
 Картины васъ не привлекутъ :
 Все это низкая природа ;
 Изящнаго немного тутъ.
 Согреѣтый вдохновенья богомъ,
 Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
 Живописалъ намъ первый снѣгъ
 И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ : ²⁸
 Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
 Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
 Прогулки тайныя въ саняхъ ;
 Но я бороться не намѣренъ
 Ни съ нимъ покамѣстъ, ни съ тобой,
 Пѣвецъ Финляндки молодой ! ²⁹

²⁸ См. *Первый снѣгъ*, стихотвореніе Князя Вяземскаго.

²⁹ См. описаніе Финляндской зимы въ Эдѣ, Баратынскаго.

IV.

Татьяна (Русская душою,
Сама не зная почему),
Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера :
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ *) военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты ;
Тайнственно ей всѣ предметы
Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мылъ :
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя

*) «Мужей».

Младой двурогій ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей —
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она :
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость !
Гадаеть вѣтряная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима,
Гадаеть старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратно ;

И все равно : надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ ;
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ ;
Изъ блюда, полного водою,
Выходятъ кольца чередою ;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсеньку старинныхъ дней :
*« Тамъ мужички-то все богаты !
Гребутъ лопатой серебро ;
Кому поемъ, тому добро
И слава ! »* Но сулить утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ ;
Милѣй кошулка сердцу дѣвъ. ³⁰

IX.

Морозна ночь : все небо ясно ;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно....
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна....
Чу.... снѣгъ хруститъ.... прохожій.... дѣва

³⁰ Зоветъ котъ кошулку

Въ печурку спать.

Предвѣщаніе свадьбы ; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

Къ нему на ципочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва :
Какъ ваше имя ? ³¹ Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ : Агаѳонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть ;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ....
И я — при мысли о Свѣтланѣ ,
Мнѣ стало страшно — такъ и быть....
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ .
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена ;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумить, клубить волной своею
Кипучій, темный и сѣдой

³¹ Такимъ образомъ узнають имя будущаго жениха.

Потокъ, не скованный зимой ;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей ;
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подамъ бы ей ;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь ;
Татьяна, *ахъ!* а онъ реветъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ ; она скрѣпясь
Дрожащею ручкой оперлась,
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей ;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ ;
Но отъ косматого лакея
Не можетъ убѣжать никакъ ;
Кряхтя, валить медвѣдь несносный :
Предъ ними лѣсъ ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ ;

Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Мятежью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ, медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлый по-колѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги выветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачокъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
— Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ *) и несетъ;
Она безчувственно-покорна,
Не шевелится, недохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой :

*) «Ее подымлетъ и несетъ.»

Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннѣмъ снѣгомъ занесенъ;
И ярко свѣтитъ окошко.
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ; *)
Медвѣдь промолвилъ : *здѣсь мой кумъ :*
Погрѣйся у него немножко !
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна :
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ.... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ :
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ оставъ чопорный и гордой **),
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе ***):

*) «И въ шалашѣ ужасный шумъ.»

**) «Тутъ шевелится хоботъ гордой,»

***) «Тамъ суетливый ежъ въ ливреѣ,»
«Тамъ» и проч.

Вотъ ракъ верхомъ на паукъ,
 Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
 Вертится въ красномъ колпакѣ,
 Вотъ мельница въ присядку *) пляшетъ
 И крыльями трещитъ и машетъ ;
 Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
 Людская молвь и конскій топъ ! ³²
 Но что подумала Татьяна,
 Когда узнала межъ гостей
 Того, кто милъ и страшенъ ей —
 Героя нашего романа!
 Онѣгинъ за столомъ сидитъ
 И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ, и всѣ хлопчутъ ;
 Онъ пьетъ, всѣ пьютъ и всѣ кричатъ ;
 Онъ засмѣется, всѣ хохочутъ ;
 Нахмуритъ брови, всѣ молчатъ ;
 Онъ тамъ хозяинъ , это ясно.

³² Въ журналахъ осуждали слова: *хлопъ*, *молвь* и *топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ». (*Сказка о Бовѣ Королевичѣ*). *Хлопъ* употребляется въ просторѣчій вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипѣніа*.

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.

(*Древнія Русскія стихотворенія.*)

Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

*) «въ мундирѣ.»

И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
И любопытная, теперь
Немного растворила дверь....
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашал
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ ;
Смутилась шайка домовыхъ ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ ;
Всѣ встали. Онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать —
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать —
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгенийъ:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указываетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгенийъ грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ :
Осталася во тмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ ;

Онѣгинъ тихо увлекаетъ ³³
Татьяну въ уголъ, и слагаетъ
Ее на шаткую скамью,
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленскій *); свѣтъ блеснулъ ;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ ;
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче ; вдругъ Евгеній
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій. Страшно тѣни
Сгустились ; нестерпимый крикъ
Раздался.... хижина шатнулась....
И Таня въ ужасъ проснулась....
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло ;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки; влетаетъ ;
«Ну,» говоритъ : «скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,

³³ Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.

*) «За нею милой ;»

Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ ;
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
Ни даже Дамскихъ Модъ Журналъ
Такъ никого не занималъ :
То былъ, друзья, Мартынъ Задека ³⁴,
Глава Халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной *Мальвиной*
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басень площадныхъ,
Грамматику, двѣ Петріады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани.... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей дарить,
И безотлучно съ нею спить.

³⁴ Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. Оедоровъ.

XXIV.

Ее тревожить сновидѣнье.
 Не зная какъ его понять,
 Мечтанья страшнаго значенье
 Татьяна хочетъ отыскать.
 Татьяна въ оглавленьи краткомъ
 Находитъ азбучнымъ порядкомъ
 Слова : боръ, буря, воронъ, ель,
 Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, мятель,
 И прочая. Ея сомнѣнй
 Мартынъ Задека не рѣшитъ ;
 Но сонъ зловѣщй ей сулитъ
 Печальныхъ много приключенй.
 Дней нѣсколько она потомъ
 Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою ³⁵
 Заря отъ утреннихъ долинъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою
 Веселый праздникъ именинъ.
 Съ утра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ ; цѣлыми семьями
 Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
 Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.

³⁵ Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова :

Заря багряною рукою
 Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою, — и проч.

Въ передней толкотня, тревога,
 Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
 Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
 Шумъ, хохотъ, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
 Пріѣхалъ толстый Пустяковъ,
 Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
 Скотинины, чета сѣдая,
 Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
 Отъ тридцати до двухъ годовъ;
 Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
 Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ ³⁶
 (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной Совѣтникъ Фляновъ,
 Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
 Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
 Пріѣхалъ и мосье Трике,

³⁶ Буяновъ, мой сосѣдъ,

.....
 Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами.

Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ....

(*Опасный Сосѣдъ.*)

Острякъ, недавно изъ Тамбова,
 Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ,
 Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
 Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
 На голосъ, знаемый дѣтьми :
Reveillez vous, belle endormie.
 Межъ ветхихъ пѣсень альманаха
 Былъ напечатанъ сей куплетъ ;
 Трике, догадливый поэтъ,
 Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
 И смѣло — вмѣсто *belle Nina* —
 Поставилъ *belle Tatiana*.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
 Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
 Уѣздныхъ матушекъ отрада.
 Пріѣхалъ ротный командиръ ;
 Вошелъ.... Ахъ, новость, да какая !
 Музыка будетъ полковая !
 Полковникъ самъ ее послалъ.
 Какая радость : будетъ балъ !
 Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ. ³⁷
 Но кушать подали. Четой .
 Идутъ за столъ рука съ рукой,
 Тѣснятся барышни къ Татьянѣ ;
 Мужчины противъ — и крестясь
 Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

³⁷ Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

XXIX.

Намигъ умолкли разговоры ;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемяютъ общую тревогу ;
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пишатъ.
Вдругъ двери настежъ — Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ. « Ахъ, Творецъ ! »
Кричитъ хозяйка : « наконецъ ! »
Тѣсняются гости ; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй ;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И, утренней луны блѣднѣй,
И трепетнѣй гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаетъ : пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ ; ей душно, дурно ;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать, ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть,
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги—нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгенийъ,
Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакъ, попавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердить. Но, дѣвы томной
Замѣтя трепетный порывъ,
Съ досады взоры опутивъ,
Надулся онъ, и негодуя,
Поклялся Ленскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,
Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Карикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгенийъ
Смятенъ Тани видѣть могъ ;
Но цѣлю взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію, пересоленной);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
Между жаркимъ и бланманже,
Цимлянское несутъ уже ;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ талии твоей,
Зизи, кристалль души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіяль,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ !

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула ; вино
Шипить ; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ ; предъ нимъ собранье
Хранить глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива ; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена ;
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья ;
Татьяна всѣхъ благодарить.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло, то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость :
Онъ молча поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно-нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронуть былъ,
Иль онъ кокетствуя шалилъ,
Невольно ль, иль изъ доброй воли,
Но взоръ сей нѣжность изъяснилъ :
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья ;
Толпа въ гостиную валить :
Такъ пчелъ изъ лакомага улья
На ниву шумный рой летитъ ;
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ :
Подсѣли дамы къ комельку :
Дѣвицы шепчутъ въ уголку.
Столы зеленые раскрыты :
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донинѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста ; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли,
И чай несутъ. Люблю я часть
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ :
Желудокъ — вѣрный нашъ брегетъ ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ !

XXXVII. XXXVIII. ³⁸. XXXIX.

Но чай несутъ : дѣвицы чинно
 Едва за блюдечки взялись,
 Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
 Фаготъ и флейта раздались.

³⁸ Обѣ сіи строфы въ первомъ изданіи помѣщены были, Вотъ-онѣ :

Въ пирахъ готовъ я непослушно
 Съ твоимъ бороться божествомъ ;
 Но, признаюсь великодушно,
 Ты побѣдилъ меня въ другомъ :
 Твои свирѣпые герои,
 Твои неправильные бои,
 Твоя Киприда, твой Зевесъ
 Большой имѣютъ перевѣсъ
 Передъ Онѣгинымъ холоднымъ,
 Предъ сонной скукою полей,
 Передъ И — — — — — моей,
 Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ ;
 Но Таня (присягну) милѣй
 Елены пакостной твоей.

Никто и спорить тутъ не станеть,
 Хоть за Елену Менелай
 Сто лѣтъ еще не перестанеть
 Казнить Фригійскій бѣдный край
 Хоть вокругъ почтеннаго Пріама
 Собранье стариковъ Пергама,
 Ее завидя, вновь рѣшитъ :
 Правъ Менелай и правъ Паридъ.
 Что жъ до сраженій, то немного
 Я попрошу васъ подождать,
 Извольте далѣе читать :
 Начала не судите строго ;
 Сраженье будетъ. Не солгу,
 Честное слово дать могу.

Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ Петербургскій описать ;
Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаньемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться !
Съ измѣнной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться,
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный ;
Чета мелькаетъ за четой.

Къ минутѣ мщенья приближаясь,
 Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
 Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней
 Вертится около гостей,
 Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
 Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ :
 Спусти минуты двѣ, потомъ
 Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ ;
 Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
 Не вѣритъ собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало
 Когда гремѣлъ мазурки громъ,
 Въ огромной залѣ все дрожало,
 Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
 Тряслися, дребезжали рамы ;
 Теперь не то : и мы, какъ дамы,
 Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
 Но въ городахъ, по деревнямъ,
 Еще мазурка сохранила
 Первоначальныя красы :
 Припрыжки, каблуки, усы,
 Все тѣ же ; ихъ не измѣнила
 Лихая мода, нашъ тиранъ,
 Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII ³⁹. XLIV.

Буяновъ, братецъ мой зазорной,
 Къ герою нашему подвелъ

³⁹. Въ первомъ изданіи, безъ начальныхъ четырехъ стиховъ, эта строка напечатана была въ слѣдующемъ видѣ :

Татьяну съ Ольгою : прворно
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ — и запымалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ : вспыхнулъ, самъ не свой ;
Въ негодаваніи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ ! Она могла....
Возможно ль ? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтрёный ребенокъ !
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена !
Не въ силахъ Ленскій снести удара ;

Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставнаго)
Стучать ; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку :
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ ;
Теперь пошло на молодцовъ ;
Пустились, только не въ присядку.]
Ахъ, легче, легче : каблуки
Отдавать дамскіе носки !

Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Вдругъ разрѣшаютъ судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La, sotto giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

ПЕТР.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Оленька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелятъ ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьей. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось : въ гостиной
Храпитъ тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги — всѣ объаты сномъ.
Одна, печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его неожиданнымъ появленіемъ,
Мгновенной нѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеніемъ
До глубины души своей
Она проникнута ; не можетъ
Никакъ понять его ; тревожить
Ее ревнивая тоска,
Какъ будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
Подъ ней чернѣетъ и шумитъ....
« Погибну, » Таня говоритъ :
Но гибель отъ него любезна.

Я не ропщу : зачѣмъ роптать ?
Не можетъ онъ мнѣ счастья дать .»

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья !
Лице насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донинѣ,
Въ философической пустынѣ,
Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ :
Такъ исправляется нашъ вѣкъ !

V.

Бывало, льстивый голось свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ.
Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженьяхъ попадалъ.
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня Калмыцкаго сваясь,
Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣнъ драгой залогъ !
Новѣйшій Регулъ, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ

Чтобъ каждымъ утромъ у Вери ⁴⁰
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль изподтишка ;
Хоть и ему иныя штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ впросакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой разсчетливо смолчать,
Порой разсчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ ;
Sed alia tempora ! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходитъ съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,

⁴⁰ Парижскій рестораторъ.

Живеть какъ истинный мудрецъ,
Капусту сажитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учить азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ ; и мой Евгенийъ,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его суждений,
И здравый толкъ о томъ—о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ ; и такъ ни мало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ, послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, осклабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородной,
Короткій вызовъ, иль *картель* :
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенія,
Къ послу такого порученья
Оборотаясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ *всегда готовъ*.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій ;
Остаться долѣ не хотѣлъ,

Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ ; но Евгеній
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подѣломъ : въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ :
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вѣчоръ небрежно.
А во-вторыхъ, пускай поэтъ
Дурачится : въ осьмнадцать лѣтъ
Оно простительно. Евгеній,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться какъ звѣрь ;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. « Но теперь
Ужъ поздно ; время улетѣло....
Къ тому жъ, онъ смыслить, въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ ;
Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ рѣчиствъ....
Конечно : быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ ;

Но шепоть, хохотня глушцовъ....»
И вотъ общественное мнѣнье ! ⁴⁴
Пружина чести, нашъ кумиръ !
И вотъ на чемъ вертится міръ !

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревнивцу то-то праздникъ !
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь,
Отворотивъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены :
Они на мельницу должны
Пріѣхать завтра до разсвѣта ;
Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ ляжку иль въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напоследокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Оленьку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить ;

⁴⁴ Стихъ Грибоѣдова.

Не тутъ—то было : какъ и прежде,
Навстрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Оленька съ крыльца,
Подобна вѣтренной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну, точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вѣчоръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Оленькинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой !
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленѣ ;
Онъ видитъ : онъ еще любимъ !
Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находитъ словъ :
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ....

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,
Владиміръ не имѣетъ силы
Вчерашній день напомнить ей ;
Онъ мыслить : «буду ей спаситель ;
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздоховъ и похвалъ
Младое сердце искушалъ ;

Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилеи стебелекъ ;
Чтобы двухъ-утренній цвѣтокъ
Увялъ еще полураскрытый.»
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ *) стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла !
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгенийъ
Заспорятъ о могильной сѣни :
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бъ вновь !
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ ;
Татьяна изнывала тайно ;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то веселъ вновь ;
Но тотъ, кто Музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ : нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды ;

*) «Съ Онѣгинымъ».

То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ : не правда ль ? я счастливъ.
Но поздно ; время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской ;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось.
Она глядитъ ему въ лицо.
«Что съ вами?» — Такъ. — И на крыльцо.

XX.

Домой приѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
Опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый
При свѣчкѣ Шиллера открылъ ;
Но мысль одна его объемлетъ :
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ :
Съ неизъяснимою красой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владиміръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо ; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучать и льются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Д** пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились,
Я ихъ имѣю, вотъ они :
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущій мнѣ готовитъ?
Его мой взоръ напрасно ловитъ,

Въ глубокой мглѣ таится онъ.
Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
Паду ли я, стрѣмой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она,
Все благо : бдѣнія и сна
Приходить часъ опредѣленный.
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тмы приходъ !

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
И заиграетъ яркій день ;
А я, быть можетъ, я гробницы
Сойду въ таинственную сѣнь,
И память юнаго поэта
Поглотитъ медленная Лета,
Забудетъ міръ меня ; но ты
Прійдешь ли, дѣва красоты,
Слезу пролить надъ ранней урной
И думать : онъ меня любилъ,
Онъ мнѣ единой посвятилъ
Разсвѣтъ печальный жизни бурной!...
Сердечный другъ, желанный другъ,
Прійди, прійди : я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*
(Что романтизмомъ мы зовѣмъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я ; да что намъ въ томъ ?)
И наконецъ передъ зарёю,
Склонясь усталой головою,

На модномъ словѣ *идеалъ*
Тихонько Ленскій задремалъ ;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвный входитъ кабинетъ
И будить Ленскаго воззваньемъ :
«Пора вставать : седьмой ужъ часъ !
Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ : Евгенийъ
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Вesperъ пѣтухомъ ;
Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная мятель
Блеститъ и вьется ; но постель
Еще Евгенийъ не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И помы завѣса раздвинулъ ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга Французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ,
И подаетъ ему бѣлье.
Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться

Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой
 Взять также ящикъ боевой.
 Готовы санки бѣговые.
 Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
 Примчались. Онъ слугѣ велитъ.
Лепажка ⁴² стволы роковые
 Нести за нимъ, а лошадямъ
 Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
 Давно нетерпѣливо ждалъ;
 Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
 Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
 Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
 «Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
 Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
 Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
 Любилъ методу онъ изъ чувства,
 И человѣка растянуть
 Онъ позволялъ не какъ нибудь,
 Но въ строгихъ правилахъ искусства,
 По всѣмъ преданьямъ старины
 (Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

«Мой секундантъ?» сказалъ Евгений :
 «Вотъ онъ : мой другъ, *monsieur Guillot*.
 Я не предвижу возраженій
 На представленіе мое :

⁴² Славный ружейный мастеръ.

Хоть человекъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный.»
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ :
«Что жъ, начинать?» — Начнемъ, пожалуй,
Сказалъ Владиміръ. И пошли
За мельницу. Пока въ дали
Зарѣцкій нашъ и *честный малый*
Вступили въ важный договоръ,
Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно....
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтись ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Бойся ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.

Вотъ порохъ струйкой сѣровой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пенъ
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,

Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгенийъ,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку:

*

Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облить,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его.... напрасно :
Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Пашель безвременный конецъ !
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!...
Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навymеть раненъ ;
Дымясь изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семь сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь :
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно,
Замолкло навсегда оно ;
Закрыты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ,
А гдѣ, Богъ вѣсть ; пропалъ и слѣдъ !

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпитафией
Взбѣситъ оплошного врага ;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо

Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру : это я !
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ,
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ
Едва ль пріятно будетъ вамъ !

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ, въ досадѣ пылкой,
Васъ гордо вызвавшій на бой?
Скажите : вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ,
Предъ вами, съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызений,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Лепскаго Евгеній.

«Ну, что жъ? убить!» рѣшилъ сосѣдъ.
Убить!... симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходить и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальные мочатъ удила,
И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта :
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ —
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой !

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хотъ для славы былъ рождѣнъ ;
Его умолкнувшая лира

Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племень.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то : поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта ,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Растался бъ съ Музами, женился ;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,

Убить пріятельской рукой !
Есть мѣсто : влѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны корнями срослись ;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любитъ отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины,
Тамъ у ручья въ тѣни густой,
Поставленъ памятникъ простой.

XII.

Подъ нимъ (какъ начинаетъ капать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
Поетъ про Волжскихъ рыбарей,
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провожая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ останавливаетъ,
Ременный поводъ натянувъ,
И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись, и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.

XIII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погружаясь, она ;
Душа въ ней долго поневолѣ

Судьбою Ленскаго полна,
И мыслить : что-то съ Ольгой стало ?
Въ ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора ?
И гдѣ теперь ея сестра ?
И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убійца юнаго поэта ?»
Со временемъ отчетъ я вамъ
Поднобю обо всемъ отдамъ,

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему, конечно,
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью рифму гонятъ,
И я, со вздохомъ признаюсь,
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы ;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль ;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,

А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней рифма *младость*?
Уже ль и вправду, наконецъ ,
Увяль, увяль ея вѣнецъ?
Уже ль и впрямь, и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я шутя твердилъ доселѣ)?
И ей уже ль возврата нѣтъ?
Уже ль мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталь, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары,
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я насладился.... и вполнѣ ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполненны страстей и лѣни

И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголь чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди всеневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

ДМИТРИЕВЪ.

Какъ не любить родной Москвы?
БАРАТЫНСКІЙ.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

Гдѣ насъ нѣтъ.

ГРИБОВОДОВЪ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лице мнѣ вѣющей весны,
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живить,
Все, что ликуеть и блесить,
Наводитъ скуку и томненье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ дуною смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтического сна,
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ....

IV.

Вотъ время : добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы—мудрецы,
Вы, равнодушные счастливы,
Вы, школы Левшина ⁴³ птенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья ! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ, тяжело нагруженныхъ,
На долгихъ, иль на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной,
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой ;
Съ моею Музой своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безыменною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгенийъ мой,
Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,

⁴³ Левшинъ , авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

Моей мечтательницы милой ;
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ....
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясь бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовый лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ ; цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой ;
Тамъ видѣнъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ :
«Владиміръ Ленскій здѣсь лежитъ,
Погибшій рано смертию смѣлыхъ,
Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
Покойся, юноша-поэтъ !»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ :
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ, при лунѣ,
Обнявшись плакали онѣ.
Но нынѣ.... памятникъ унылой
Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ ;

Одинъ, подъ нимъ, сѣдой и хилой,
Пастухъ по прежнему поетъ,
И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленскій ! Изнывая,
Недолго плакала она.
Увы ! невѣста молодая
Своей печали невѣрна.
Другой *) увлекъ ея вниманье,
Другой *) успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить,
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою....
И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтарёмъ,
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленскій ! За могилой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой?
Или надъ Летою усыпленной,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрытъ и нѣмъ?...
Такъ равнодушное забвенье

*) Уланъ.

За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Быль долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла:
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все прощаясь суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ....
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою въ даль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродить;

То смотритъ въ опустѣлый садъ....
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ,
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далеко
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убійцу брата своего.
Поэтъ погибъ.... но ужъ его
Никто не помнитъ; ужъ другому
Его невѣста отдалась:
Поэта память пронеслась
Какъ дымъ по небу голубому.
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ.... на что грустигь?...

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна;
Шла, шла.... и вдругъ передъ собою

Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ :
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?...
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ....
Взгляну на домъ, на этотъ садъ.»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ
Едва дыша : кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ....
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней лая кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разгоняли псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней.
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ : забытый въ залѣ

Кій на бильярдѣ отдыхалъ ;
На смятомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далъ ;
Старушка ей : «А вотъ каминъ :
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйста, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ :
Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ,
И книжку поутру читалъ....
И старый баринъ здѣсь живалъ.
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть извоилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живить
Полумучительной отрадой :
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,

И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долину. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримъ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялась.

Сперва ей было не до нихъ ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой :
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгенийъ
Издавна чтенья разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ :
Пѣвца Гяура *) и Жуана,
Да съ нимъ еще два, три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный челоуѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствиіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей :
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,

) «Манфреда.»

Въ чемъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной :
Чудакъ печальный и опасной,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? уже ли подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Уже ль загадку разрѣшила?
Уже ли *слово* найдено?
Часы бѣгутъ ; она забыла
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя,»

Старушка молвила кряхтя,
«Вѣдь Оленька ея моложе.
Пристроить дѣвушку, ей-ей
Пора ; а что мнѣ дѣлать съ ней ?
Всѣмъ наотрѣзъ одно и тоже :
Нейду. И все груститъ она,
Да бродить по лѣсамъ одна.»

XXVI.

— Не влюблена ль она ? — «Въ кого же ?
Буяновъ сватался — отказъ.
Ивану Пѣтушкову — тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался !
Я думала : пойдетъ, авось,
Куда ! и снова дѣло врозь.»
— Что жъ, матушка, зачѣмъ же стало ?
Въ Москву, на ярмарку невѣсть !
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ, —
«Охъ, мой отецъ ! доходу мало.»
— Довольно для одной зимы ;
Не то ужъ дамъ хоть я взаймы. —

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой ;
Сочлась, и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой.
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты

Провинціальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей!
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!...
О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ,
И умиленными очами
Ихъ озирая говоритъ :
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мнѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!...
Прости жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Останавлиютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами,
Еще бесѣдовать спѣшитъ.

Но лѣто быстрое летитъ.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана....
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ, — и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сучкахъ дубовъ ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою ;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Неидетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать,
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лице, плеча и грудь :
Татьянѣ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ ;
Приходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный — три кибитки
Везутъ домашнія пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,

Варенья въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ пѣтухами.
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ :
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ,

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ ;
Готовятъ завтракъ повара ;
Горой кибитки нагружаютъ ;
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатой.
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный
Скользя ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста !
Прости, пріютъ уединенный !
Увижу ль васъ?...» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Со временемъ (по разчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пять сотъ) дороги вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно :
Шоссе Россію здѣсь и тутъ

*

Соединивъ пересѣкутъ;
 Мосты чугунные чрезъ воды
 Шагнутъ широкою дугой;
 Раздвинемъ горы; подъ водой
 Пророемъ дерзостные своды,
 И заведетъ крещеный міръ
 На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи ⁴⁴,
 Мосты забытые гніютъ,
 На станціяхъ клопы да блохи
 Заснутъ минуты не даютъ;

⁴⁴ Дороги наши — садъ для глазъ:
 Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
 Работы много, много славы,
 Да жаль — проѣзда нѣтъ подчасъ.
 Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
 Проѣзжимъ мало барыша;
 Дорога, скажешь, хороша —
 И вспомнишь стихъ: для *проходящихъ*.
 Свободна Руская ѣзда
 Въ двухъ только случаяхъ: когда,
 Нашъ *Макъ-Адамъ* или *Макъ-Ева*,
 Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
 Опустошительный набѣгъ,
 Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ,
 И запорошитъ ранній снѣгъ
 Слѣды ея пескомъ пушистымъ;
 Или когда поля пройметъ
 Такая знойная засуха,
 Что черезъ лужу можетъ вбродъ
 Пройти, глаза зажмуря, муха.

(Станція. *Князь Вяземскій*.)

Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
Высокопарной, но голодной,
Для виду прейскурантъ виситъ
И тщетный дразнить аппетитъ,
Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклопы,
Передъ медлительнымъ огнемъ,
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ ⁴⁵.
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ, —
И наша дѣва пасладилась
Дорожной скукою вполнѣ :
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

⁴⁵ Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игри-
востью воображенія. К.... рассказывалъ, что, будучи однажды
посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ. онъ
ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концемъ изъ
телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ крестами золотыми,
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва.... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля :
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приѣмный даръ, —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселъ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей ¹⁾ славы,
Петровский замокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо будки ²⁾, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, ³⁾ огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, ⁴⁾ казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи гапокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ — другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домоѣмъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ большой въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежъ отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой Калмыкъ.

¹⁾ Въ 1-мъ изданіи «падшей.»

²⁾ Въ «Моск. Вѣстникѣ» «ружья».

³⁾ Тамъ же «дрожки».

⁴⁾ Тамъ же «будки».

Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, *mon ange!*» — *Pachette!* — «Алина!»
— Кто бъ могъ подумать? — «Какъ давно!»
— Надолго ль? — «Милая! Кузина!»
— Садись! какъ это мудрено!
Ей Богу, сцена изъ романа.... —
«А это дочь моя, Татьяна.»
— Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ,
Какъ будто брежу я во снѣ....
Кузина, помнишь Грандисона? —
«Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!»
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?»
— Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ.... но послѣ все расскажемъ,
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, развѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва—едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть....
Охъ, силы нѣтъ.... устала, грудь....
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть.... душа моя,

Ужъ никуда негодна я....
Подъ старость жизнь такая гадость.... —
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Нехорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Неспится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣтъ сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ :
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ по родственнымъ обѣдамъ *)
Развозятъ Таню каждый день —
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.

*) «Въ «Моск. Вѣстникѣ»: «по скучнымъ родственнымъ обѣдамъ».

«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брала! —
«А я такъ за уши драла.»
— А я такъ пряникомъ кормила! —
И хоромъ бабушки твердятъ :
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ невиднo перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ :
У тетушки Княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чѣпецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все также лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семень Петровичъ также скупъ,
У Пелагѣи Николаевны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;
А онъ все клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также ѣстъ и пьетъ за двухъ. *)

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младья граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,

*) Въ «Моск. Вѣстникѣ»: «и также важно ловить мухъ».

Провинціальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ на распѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умильно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ, и счастья, *)
Хранитъ безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ

*) Въ «Моск. Вѣстникѣ»:

Залогъ и горестей и счастья
Хранитъ *печально* между тѣмъ».

Въ бесѣды, въ общій разговоръ ;
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, *) равнодушно ;
Они клеветуютъ даже скучно ;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетень и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагодарно говорятъ.
Одинъ какой-то шутъ печальной
Ее находитъ идеальной,
И, прислонившись у двѣрей,
Элегію готовить ей.
У скучной тетки Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то В.... подсмѣя
И душу ей занять успѣлъ.
И близъ него ее замѣтя,
Объ ней, поправля свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

*) Въ «Моск. Вѣстникѣ»: «вяло.»

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантией мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ,
И плескамъ дружескимъ не внимлетъ,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежни лѣты,
Во время наше и мое),
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ.
Музыки грохотъ, свѣтъ блистанье,
Мельканье, вихорь *) быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣсть обширный полукругъ,
Все чувства поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ **)
И невнимательный лорнетъ.

*) Въ Моск. Вѣст.: *въ вальсъ*.

**) Въ Моск. Вѣст.: *Пустую голову, корсетъ*.

Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, прогремѣтъ,
Блеснуть, плѣнить и улетѣтъ.

III.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средъ женъ и дѣвъ блеситъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она !
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томень взоръ ея чудесной !...
Но полно, полно, перестань,
Ты заплатилъ безумству дань.

III.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ.... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ, у колонны,
Незамѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ ;
Ей душно здѣсь.... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,

Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродить :
Забыть и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводить
Какой-то важный генераль.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей :
«Взгляни налѣво поскорѣй.»
— Налѣво? гдѣ? что тамъ такое? —
«Ну, что бы ни было, гляди....
Въ той кучкѣ, видишь, впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое....
Вотъ отошелъ.... вотъ бокомъ сталъ?...»
— Кто, толстый этотъ генераль? —

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою....
Да кстати здѣсь о томъ два слова :
Пою пріятеля младова
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза !
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,

Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.
Довольно. Съ плечъ долой обуза !
Я классицизму отдаю честь :
Хоть поздно, а вступленіе есть.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

BYRON.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ молодыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ :
Успѣхъ нашъ первый открыли ;

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

.
.
.
.
.
.
.
.
.

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я Музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ :
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ.... она за мной.

Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа !
Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ !
Какъ часто по берегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шепотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчныи хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальней
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсень степи ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ :
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервые

На свѣтскій раутъ ⁴⁶ привожу;
 На прелести ея степныя
 Съ ревнивой робостью гляжу.
 Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ, *)
 Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
 И гордыхъ дамъ она скользитъ;
 Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
 Любуясь шумной тѣснотою,
 Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
 Явленьемъ медленнымъ гостей
 Передъ хозяйкой молодою,
 И темной рамою мужчинъ
 Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
 Олигархическихъ бесѣдъ,
 И холодъ гордости спокойной,
 И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
 Но это кто, въ толпѣ избранной,
 Стоитъ безмолвный и туманной?
 Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
 Мелькаютъ лица передъ нимъ,
 Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
 Что, сплинъ иль страждущая спѣсь
 Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
 Кто онъ таковъ? Уже ль Евгенийъ?
 Уже ли онъ?... Такъ, точно онъ.
 «Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

⁴⁶ Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значить толпа.

*) «Сквозь рядъ напыщенныхъ магнатовъ.»

VIII.

«Все тотъ же ль онъ, иль усмирися?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжей,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ :
Отстать отъ моды обветшалою.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ....»
— Знакомъ онъ вамъ? — «И да и нѣтъ.»

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ;
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолубивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто вовремя созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ ;
Кто страннымъ сномъ не предавался ;
Кто черни свѣтской не чуждался ;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ ,
А въ тридцать выгодно женатъ ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ :
N. N. прекрасный челоуѣкъ !

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она ;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Итти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей! —

XII.

Предметомъ ставъ суждений шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Иль печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли,
Доступный чувству одному —
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надобли,
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шепотъ пробѣжалъ....
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй....
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut.... *** ! прости :
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей ;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взоръ ея очей ;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ, и всѣхъ выше
И носъ и плеча подымалъ
Вошедшій съ нею генералъ.
Никто бъ не могъ ее прекрасной
Назвать ; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ Лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу....

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести :
Оно у насъ покамѣсть ново,
И врядъ ли быть ему въ чести.
Оно бѣ годилось въ эпиграмѣ....
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы :
И вѣрно бѣ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Уже ли,» думаетъ Евгений :
«Уже ль она? Но точно.... Нѣтъ....
Какъ! изъ глуши степныхъ селеній....»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, князь, не знаешь ты
Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
Съ посломъ Испанскимъ говорить?»
Князь на Онѣгина глядитъ.
— Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я. —
«Да кто жъ она? — Жена моя. —

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
Давно ли?» — Около двухъ лѣтъ. —
«На комъ?» — На Лариной. — «Татьянѣ?»
— Ты ей знакомъ? — «Я имъ сосѣдъ.»
— О, такъ пойдемъ же. — Князь подходитъ
Къ своей женѣ, и ей подводитъ
Родно и друга своего.
Княгиня смотритъ на него....
И, что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто неизмѣнимо:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ;
Былъ также тихъ ея поклонъ.

· XIX.

Ей-ей! не то чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна....
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
И — и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ,
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ....
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Уже ль та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружу, все на волѣ,
Та дѣвочка.... Иль это сонъ?....
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Уже ли съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ поздній сонъ.
Проснулся онъ — ему приносятъ
Письмо: Князь N покорно проситъ
Его на вечеръ. «Боже! къ ней!...
О! буду, буду!» — и скорѣй
Мараешь онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? Въ какомъ онъ странномъ снѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнливой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

*

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дожидется дня конца,
Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца;
Онъ съ трепетомъ къ княгинѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ,
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
Неловкій, онъ едва—едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотритъ онъ. Она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей непріятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской злости
Сталъ оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства,
И не пугалъ ни чьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду змыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Неулыбающихся лицъ;
Тутъ былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по старому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграмы падкій,
На все сердитый господинъ :
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложъ журналовъ, на войну,
На снѣгъ, и на свою жену.

.
.
.
.
.
.

XXVI.

Тутъ былъ ^{***}, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.—P^{**}, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной —
Румянъ какъ вербный херувимъ,
Затянуть, нѣмъ и недвижимъ;
И путешественникъ залетной,
Перекрахмаленный нахаль,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной,
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занятъ былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Приемы скоро приняла!
Кто бѣ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ замъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно груститъ,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ когда нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вѣшнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ —
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и бесплодный,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ : увы ! Евгений
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ ;
Въ тоскѣ любовныхъ помышлений
И день и ночь проводить онъ.
Ума не внемля строгимъ пѣнямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
Онъ подѣзжаетъ каждый день ;
За ней онъ гонится какъ тѣнь ;
Онъ счастливъ, если ей накинеть
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подниметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвить слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ :
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Блѣднѣтъ Онѣгинъ начинаетъ :
Ей иль не видно, иль не жаль ;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ,
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ, онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ;
Смѣлѣй здороваго, больной,
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не вмочь.
Вотъ вамъ письмо его точъ въ точъ.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все : васъ оскорбить
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразить!
Чего хочу ? Съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою ?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю !

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ :
Привычкѣ милой не далъ ходу ;

**

Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлѣчило....
Несчастной жертвой Ленскій палъ....
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ : вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой !
Какъ я ошибся, какъ наказанъ !

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движеніе глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть.... вотъ блаженство !

«И я лишень того : для васъ
Тащусь повсюду наудачу ;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ :
А я въ напрасной скупѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю : вѣкъ ужъ мой измѣренъ ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я....

«Боюсь : въ мольбѣ моей смиренной

Увидить вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бѣ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...

«Но такъ и быть : я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено : я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ».

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье :
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ ; лишь вошелъ.... ему
Она навстрѣчу. Какъ сурова !
Его не видятъ, съ нимъ ни слова ;
У ! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она !
Какъ удержать негодованье
Уста упрямые хотятъ !

Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ :
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье ?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ !
На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ....

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы слабости случайной....
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ....
Надежды нѣтъ ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклиная —
И, въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за-воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шанфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Бея,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего :
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,

Гдѣ нынче такъ меня бранять,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда —
E *sempre bene*, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ—то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вдоръ живой
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убить!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,

И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ ;
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ она.... и все она !

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться : то-то бѣ одолжилъ !
А точно : силой магнитисма
Стиховъ Россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ : *Benedetta*
Иль *Idol mio*, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались ; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима ;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живетъ его : впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ,
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ.
Несется вдоль Невы въ саняхъ.

На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце ; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремить Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали ; точно такъ,
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу, дальше — никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна
Сидитъ неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ,
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XII.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ княгинѣ бъ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
Она вздрогнула, и молчитъ;
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва....
Его больной, угасшій взоръ,

Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней !

XLII.

Она его не поднимаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отнимаетъ
Безчувственной руки своей....
О чемъ теперь ея мечтанье?...
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она :
«Довольно , встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
• И нынче — Боже ! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь.... Но васъ

Я не виню : въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной :
Я благодарна всей душой....

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынь,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась.... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ Дворъ? *)
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу.... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте : колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ

*) «Что милостивъ за то къ намъ Дворъ?»

Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ....
А нынче!... Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ, съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта —
Постымой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
— Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моею....

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны....
Я вышла замужъ. Вы должны,

Я васъ прошу, меня оставить ;
Я знаю : въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
Но я другому отдана ,
Я буду вѣкъ ему вѣрна. »

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгеній,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ !
Но шпоръ незапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту, злую для него ,
Читатель, мы теперь оставимъ
Надолго ... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по-свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура !
Давно бѣ (не правда ли?) пора !

XLIX.

Кто бѣ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мною
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ :
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,

Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ спшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
За симъ разстанемся, прости !

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта :
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явились впервые мнѣ —
И даль свободного романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще неясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ....
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милой идеалъ....
О, много, много рокъ отъялъ !

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано,
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочелъ ея романа,
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪГИНА.

Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ :

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (въпрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифрой; но, въ избѣжаніе соблазна, онъ рѣшился лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣднею главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ :

Пора : перо покоя просить ;
Я десять пѣсень написалъ ;
На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валъ.
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія, ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ: замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны, мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Онѣгинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Нижній-Новгородъ:

. передъ нимъ

Макарьевъ суетно хлопочетъ,

Кипитъ обиліемъ своимъ.

Сюда жемчугъ привезъ Индѣецъ,

Поддѣльны вины Европеецъ.

Табунъ бракованныхъ коней

Пригналъ заводчикъ изъ степей.

Игрокъ привезъ свои колоды

И горсть услужливыхъ костей;

Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей.

А дочки — прошлагодни моды.

Всякъ суетится, лжетъ за двухъ,

И всюду меркантильный духъ.

Тоска!...

Онѣгинъ ѣдетъ въ Астрахань, и оттуда на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный

Крутые роетъ берега;

Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вокругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ.
Вдали — Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Черезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли Русскіе шатры.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный,
И зеленѣющій Машукъ,
— Машукъ, податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслить жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка — злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть — хотя на мигъ.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сажалъ нья
Глядитъ на дымныя струи,

И мыслить, грустью отуманенъ :
Зачѣмъ я пугей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка ;
Чего мнѣ ждать ! Тоска, тоска !...

Онѣгинъ посѣщаетъ потомъ Тавриду :

Воображенью край священный :
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ заколоса Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный,
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я ;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ :
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ....
Какой во мнѣ проснулся жаръ !
Какой волшебною тоскою

Стѣснилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

Какія бѣ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились....
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья....
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокаль
Воды я много подмѣшалъ.

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ баламейка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ....
Тьфу ! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ !
Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ....
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ замъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной....
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подьѣмлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ;
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,

★

Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Пріѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ, и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣлю въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ ;
Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младья вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

А гдѣ-бишь мой рассказъ несвязной ?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бъ могъ сказать : въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.

Но ужъ дробить каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованой броней.

Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной !
Чего бѣ, вы думали? — воли !
Потребны тяжкіе труды....
Что жъ? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
По солнце южное, по море....
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края !

Бывало, пушка зарева
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ восточной гушъ и кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открыть Casino ; чашекъ звонъ
Тамъ раздается ; на балконтъ
Маркёръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

Глядишь, и площадь запестрѣла.
Все оживилось ; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя разчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,

Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? — Пришли! — О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ ⁴⁷,
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растеть.

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень—орфей,
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,

⁴⁷ Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

Онъ звуки льетъ ; они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуй молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго аи
Струя и брызги золотые....
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять *do-re-mi-sol* ?

А только ль тамъ очарованій ?
А разыскательный лорнетъ ?
А закулисныя свиданья ?
А *prima donna* ? а балетъ ?
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена ?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ ѣстью пополамъ....
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ *фора* закричить,
Зѣвнетъ и — снова захрапить.

Финаль гремитъ ; пустѣетъ зала ;
Шумя, торопится разѣздъ ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы режемъ речитативъ.

Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно—легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчить,
Лишь море Черное шумить....

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ....

ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА

ИЗЪ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

—

I.

ЖЕНЩИНЫ.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умою,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ :
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Инаго я желать не могъ.

То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ, и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ ;
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,

Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моею....
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодной и нѣмой,
Но вскорѣ жаркой и живой.

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено :
Темира, Дафна и Лилета —
Какъ сонъ забыты мной давно.
Но есть одна межъ ихъ толпою....
Я долго былъ плѣненъ одною....
Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?... Зачѣмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своенравны
Имъ очень кажутся забавны;
И право, съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.

Закабалаясь неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей!

(Къ первымъ строфамъ 2-й главы.)

II.

Увы, друзья! мелькаютъ годы —
И съ ними вслѣдъ одна другой,
Мелькаютъ вѣтряныя моды
Разнообразной чередой.
Все измѣнилось въ природѣ!
Ламушъ и фижмы были въ модѣ;
Придворный франтъ и ростовщикъ
Носили пудренный парикъ;
Бывало, нѣжные поэты,
Въ надеждѣ славы и похвалъ,
Точили тонкій мадригалъ
Иль остроумные куплеты;
Бывало, храбрый генералъ
Служилъ — и грамоты не зналъ.

(Къ строфѣ X главы 3.)

III.

О вы! которыя любили
Безъ позволенія родныхъ

И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радостей, для нѣги сладкой —
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любезнаго срывать,
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонъ отдавать,
Иль даже молча позволять
Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови, —

Не осуждайте безусловно
Татьяны вѣтренной моей;
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенья чопорныхъ судей.
А вы, о дѣвы безъ упрѣка!
Которыхъ даже рѣчь порока
Страшитъ сегодня какъ змѣя —
Совѣтую вамъ тоже я.
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите, можетъ быть, и вы —
И завтра легкій судъ молвы
Припишетъ модному герою
Побѣды новой торжество:
Любви васъ ищетъ божество.

(Къ строфамъ XXIV и XXV, главы 3)

IV.

АЛББОМЪ ОНЪГИНА.

1.

Меня не любятъ и клеветуютъ ;
Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

2.

Бойтесь вы Гра—овой?
Сказала имъ Элиза К.
Да, возразилъ NN суровый,
Боимся мы Гра—овой,
Какъ вы бойтесь паука.

3.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
Вотъ на примѣръ : «Предъ каждымъ сномъ
Молись ; бѣги путей лукавыхъ,
Чти правду, и не спорь съ глупцомъ.»

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ Кавказскомъ каменѣтъ;
Въ волненьи жизни такъ мертвѣтъ
И вѣтрпый и пылкій нравъ.

5.

Шестаго. Былъ у В. на балѣ :
Довольно пусто было въ залѣ.
Р. С. какъ ангелъ хороша :
Какая вольность въ обхожденьи!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазъ движенъи
Какая нѣга и душа !

6.

Вечоръ сказала мнѣ Р. С :
Давно желала я васъ видѣть.
«Зачѣмъ?» — Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть. —
«Зачто?» — За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ, за колкое презрѣнье
Ко всѣмъ. Однако жъ это вздоръ.
Вы надо мной смѣяться властны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны;
И знали ль вы до сей поры,
Что просто — очень вы добры? —

7.

Сокровища роднаго слова,
Замѣтятъ важные умы,

Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно : сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ ;
Ихъ любитъ мой Славянскій духъ ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены : но дорожить
Одними ль звуками пѣтъ ?
И гдѣ жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли ?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли ?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ Русскій умъ и Русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.

.
.

Поэты наши переводятъ,
Или молчатъ ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской ; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ :
Хорошъ Россійскій Геликонъ !

8.

Морозъ и солнце : чудный день !
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь

Сойти съ крыльца и надъ Невою
Блеснуть холодной красотою ;
Сидятъ — напрасно ихъ манить
Пескомъ усыпанный гранить.
Умна восточная система,
И правъ обычай стариковъ :
Онѣ родились для гарема
Иль для неволи....

9.

Вчера, у В. оставя пиръ,
В. С. летѣла какъ зефиръ,
Не внемля жалобамъ и пѣнямъ ;
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой
За Одалиской молодой.
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ нея поймать успѣлъ ;
Я чернымъ соборомъ одѣлъ
Ея блистающія плечи ;
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ ;
Я предъ Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинулъ.

10.

Сегодня былъ я ей представленъ,
Глядѣлъ на мужа съ полчасъ :
Онѣ важенъ, красить волоса,
Онѣ чиномъ отъ ума избавленъ.

(Къ строчѣ XXII, главы 7.)

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

ДРАГОЦѢННОЙ ДЛЯ РОССІЯНЪ

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА,

СЕЙ ТРУДЪ, ГЕНИЕМЪ ЕГО ВДОХНОВЕННЫЙ,

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ И БЛАГОДАРНОСТІЮ

ПОСВЯЩАЕТЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1825.)

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 г., 29 ФЕВРАЛЯ.)

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ и ВОРОТЫНСКІЙ.

Воротынскій.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть :
Москва пуста ; во слѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій.

Чѣмъ кончится? узнать не мудрено :
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,

А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

Воротынскій.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни Патріархъ, ни Думные Бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великаго Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня—Царица,
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что, ежели Правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Шуйскій.

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь Царевича—младенца;
Что если такъ, Дмитрій могъ бы жить.

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Полно точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій.

А кто же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?

Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло.
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали:
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью неожиданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ какъ будто правый,
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій.

Нечисто, князь.

Шуйскій.

А что мнѣ было дѣлать?

Все объявить Феодору? Но Царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ;
Борисъ тотчасъ его бы разуувѣрилъ,
А тамъ меня жъ сослали бѣ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тиорьмѣ тихонько бѣ задавили.

Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устраситъ;
Я самъ не трусь, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашусь даромъ.

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ :
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ—то робокъ !
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха....

Воротынскій.

Такъ, родомъ онъ незнатенъ, мы знатнѣе.

Шуйскій.

Да, кажется.

Воротынскій.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій....
Легко сказать, природные князья.

Шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, князь, вѣдь мы бѣ имѣли право
Наслѣдовать Феодору.

Шуйскій.

Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій.

Что жъ?

Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова;
Своихъ князей у нихъ довольно — пусть
Себѣ въ Цари любовь выберутъ.

Воротынскій.

Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы Удѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Шуйскій (глядитъ въ окно.)

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы.... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ: рѣшено ли?

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

Одинъ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, Бояръ и Патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшить сіяніе престола.

Другой.

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

Третій.

Да вотъ Верховный Дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшеніе Думы.

Народъ.

Молчать! молчать! Дьякъ Думный говоритъ;
Ш-ш — слушайте!

Щелкаловъ (съ Краснаго крыльца.)

Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій Патріархъ,
Въ Кремль отпѣвъ торжественно молебень,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,

Воздвижется, а съ нимъ Синклитъ, Бояре,
Да сонмъ Дворянъ, да выборные люди
И весь народъ Московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить Царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитесь, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(Народъ расходится).

ДѢВичье-поле.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ. НАРОДЪ.

Одинъ.

Теперь они пошли къ Царицѣ въ келью;
Тутъ вошли Борисъ и Патріархъ
Съ толпой бояръ.

Другой.

Что слышно?

Третій.

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

БАБА (съ ребенкомъ.)

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь.

★

Одинъ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

Другой.

Нельзя. Куды! И въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

Первый.

Право, любо!

Одинъ.

Что тамъ за шумъ?

Другой.

Послушай.... что за шумъ?

Народъ завылъ : тамъ падаютъ что волны
За рядомъ рядъ.... еще.... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ : скорѣе на колѣни !

НАРОДЪ (на колѣняхъ ; вой и плачь.)

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ Царь !

Одинъ (тихо.)

О чемъ тамъ плачутъ?

Другой.

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ Бояре —
Не намъ чета.

БАБА (съ ребенкомъ.)

Ну, что жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!... вотъ бука!
Плачь, баловень (ребенокъ плачетъ.) Ну, то-то же!

Одинъ.

Всѣ плачутъ —
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой.

Да слезъ-то нѣтъ.
Что тамъ еще?

Первый.

Да кто ихъ разберетъ?

Народъ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился!...
Борисъ нашъ Царь! Да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРИАРХЪ, БОЯРЕ.

Борисъ.

Ты, отче Патриархъ, вы всѣ, Бояре!
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я приѣмлю власть

Великую со страхомъ и смиренъемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и Ангелу-Царю!...
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Возри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенъе :
Да правлю я во славу свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Неизбранный еще народной волей.

Бояре.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

Борисъ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почюющихъ властителей Россіи,
А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

(Уходитъ, за нимъ и Бояре).

Князь Воротынскій (останавливая Шуй-
скаго.)

Ты угадалъ!

Шуйскій.

А что?

Воротынскій.

Да здѣсь, намереніи,

Ты помнишь?

Шуйскій.

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ —

Шуйскій.

Теперь не время помнить;
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ — народъ привѣтствуетъ Царя;
Отсутствіе мое замѣтить могутъ.
Иду за нимъ.

Воротынскій.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(1603 года.)

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ спящій.

Пименъ (пишетъ передъ лампадой.)

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ,
И книжному искусству вразумилъ :
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный ;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я съизнова живу ;
Минувшее проходитъ предо мною....
Давно ль оно несло съобытій полно,
Волнуясь, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно :

Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходить до меня,
А прочее погибло неозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье (пишетъ).

Григорій (пробуждается.)

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ мѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый....
Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зрить на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,

Честный отецъ.

..

Пименъ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесъ, и присно, и вѣвѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось.
И, падая стремглавъ, я пробуждался....
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смирйя себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи, —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!

Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ :
Насъ издали цѣлѣняютъ слава, роскошь,
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ наслаждался ;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ :
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился :
Они его мѣняли на кlobукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ : -
Кромѣшники въ тафяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами ,

А грозный Царь Игуменомъ богомольнымъ, *)
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ —
(Въ ней жилъ тогда Кирилль многострадальный, **)
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ: ***)
«Отцы мои, желанный день прійдетъ :
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль,
Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный :
Прииду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши.»
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Феодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью :
Тамъ тяжкія, державныя печали

*) Въ Моск. Вѣстникѣ: «игуменомъ смиреннымъ.»

**) Тамъ же: «косноязычный.»

***) Тамъ же: «игумену и братьи.»

Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славу безмятежной
Утѣшилась — а въ часть его кончины
Свершилося неслыханное чудо :
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
И называть великимъ патріархомъ....
И всѣ кругомъ объаты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святой Владыка предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили :
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.

Пришелъ я въ ночь. Паутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Слѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица—мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Безбожную предательницу — мамку....
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтесь!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ.... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало

Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій !
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь :
Войну и миръ , управу Государей,
Угодниковъ святыхъ чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду.... Но звонятъ
Къ заутренѣ.... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій.

(Уходитъ.)

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца ;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ :
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ИГУМЕНЪ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Убѣжалъ, святой Владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРИАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЪ.

Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздамѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога....

ПАТРИАРХЪ.

Ужъ эти мнѣ грамотѣи! Что еще выдумалъ! *Буду Царемъ на Москвѣ!* Ахъ, онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего Царю и докладывать объ этомъ; что тревожить отца-Государя! Довольно будетъ объявить о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или Дьяку Ефимьеву. Этака ересь: *буду Царемъ на Москвѣ!*... Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святой Владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ Государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда :
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожить, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаютъ онъ?

ВТОРОЙ.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ!

(Уходятъ.)

ЦАРЬ входитъ.

Достигъ я высшей власти;

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно :
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолodu влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,

Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любятъ умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насымалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуйся, проклинали!
Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища;
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха....
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Феодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную.... все я!

Ахъ, чувствую : ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить ;
Ничто, ничто.... едина развѣ совѣсть ;
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою ;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда : какъ язвой моровой
Душа сгоритъ , нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнить , и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ....
И радъ бѣжать, да пекуда.... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста !

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЪ и ВАРЛААМЪ бродяги въ видѣ черепцовъ; ГРИГО-
РІЙ ОТРЕПЬЕВЪ міряниномъ; ХОЗЯЙКА.

Хозяйка.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать, старцы честные?

Варлаамъ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяйюшка. Нѣтъ ли вина?

Хозяйка.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу.

(Уходитъ.)

МИСАИЛЪ.

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

ГРИГОРІЙ.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

ВАРЛААМЪ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ ужъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино.... да вотъ и оно!...

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

ХОЗЯЙКА, входитъ.

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛЪ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (Пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: Какъ во городѣ было во Казани....) Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь? .

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЪ.

Вольному воля....

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку.... (поетъ).

Однако , отецъ Мисаилъ , когда я пью , такъ трезвыхъ не люблю : иное дѣло пьянство , а иное чванство ; хочешь жить какъ мы , милости просимъ — нѣтъ , такъ убирайся , проваливай : скоморохъ попу не товарищъ.

Григорій.

Пей , да про себя разумѣй , отецъ Варлаамъ !... Видишь , и я порой складно говорить умѣю .

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣть ?

Мисаилъ.

Оставь его , отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ.

Да что онъ за постникъ ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи , невѣдомо кто , невѣдомо откуда — да еще и спѣсивится .

(Пѣтъ и поетъ : Молодой Чернецъ постригся.)

Григорій , хозяйкѣ.

Куда ведетъ эта дорога ?

Хозяйка.

Въ Литву , мой кормилецъ , къ Луёвымъ горамъ .

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ ?

Хозяйка.

Недалече , къ вечеру можно бы туда поспѣть , кабы не заставы Царскія , да сторожевые приставы .

Григорій.

Какъ, заставы, что это значитъ?

Хозяйка.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать.

Григорій (просебя.)

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день (Вслухъ.) Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ничего, ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ уже всякій мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняють прохожихъ, да обираютъ насъ, бѣдныхъ. (Слышенъ шумъ.) Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они проклятые! дозоромъ идутъ.

Григорій.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

Хозяйка.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина, и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть окаяннымъ! чтобъ имъ....

(Входятъ пристава.)

ПРИСТАВЪ.

Здорово, хозяйка!

ХОЗЯЙКА.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ !

Одинъ приставъ (другому.)

Ба! да здѣсь попойка идетъ : будетъ чѣмъ поживиться.
(Монахамъ.) Вы что за люди?

ВАРЛААМЪ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню Христіанскую на монастырь.

ПРИСТАВЪ (Григорію.)

А ты?

МИСАИЛЬ.

Нашъ товарищъ....

ГРИГОРІЙ.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отсель иду во-свояси.

МИСАИЛЬ.

Такъ ты раздумалъ....

ГРИГОРІЙ (тихо.)

Молчи.

ПРИСТАВЪ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ, да побесѣдуемъ.

ДРУГОЙ ПРИСТАВЪ (тихо.)

Парень-то, кажется, голъ: съ него взять нечего; за то старцы....

ПЕРВЫЙ.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, каково промышляете?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! Нынѣ Христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Пріиди грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь, молишь, молишь, иногда въ три дня трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля — другая, заглянешь въ мошенку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда да и только. — Охъ, плохо, знать пришли наши послѣднія времена....

Хозяйка (плачетъ.)

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила.)

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алѣха! При тебѣ ли Царскій указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай-ко сюда.

МИСАИЛЪ.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

Мисаилъ.

Не слыхалъ.

Приставъ.

Не слыхалъ? ладно. А того бѣлаго еретика Царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

Мисаилъ.

Не знаю.

Приставъ (Варлааму.)

Умѣешь ли ты читать?

Варлаамъ.

Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ (Мисаилу.)

А ты?

Мисаилъ.

Не умудрилъ Господь.

Приставъ.

Такъ вотъ тебѣ Царскій указъ.

Мисаилъ.

На что мнѣ его!

Приставъ.

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

МИСАИЛЬ.

Я? помилуй! что ты!

ПРИСТАВЪ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

ХОЗЯЙКА.

Ахъ они окаянные мучители! и старца—то въ покоѣ не оставлятъ!

ПРИСТАВЪ.

Кто здѣсь грамотный?

ГРИГОРІЙ (выступаетъ впередъ.)

Я грамотный.

ПРИСТАВЪ.

Вотъ на.... А у кого же ты научился?

ГРИГОРІЙ.

У нашего пономаря.

ПРИСТАВЪ (даетъ ему указъ.)

Читай же вслухъ.

ГРИГОРІЙ (читаетъ:)

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, «изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, на- «ученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими «соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, «отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Ли- «товской....»

ПРИСТАВЪ (Мисаилу.)

Какъ же не ты?

Григорій.

«И Царь повелѣлъ изловить его....

Приставъ.

И повѣсить!

Григорій.

Тутъ не сказано повѣсить.

Приставъ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

Григорій.

«И повѣсить. А лѣтъ ему вору Гришкѣ отъ роду....
«(смотря на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ
«имѣеть плышивый, бороду сѣдую, брюхо толстое.»

(Всѣ глядятъ на Варлаама.)

Первый приставъ.

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

Варлаамъ (вырывая бумагу.)

Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходитъ. (Читаетъ по складамъ:) «А лѣтъ е-му отъ ро-ду.... 20.» — Что братъ, гдѣ тутъ 50? видишь?—20.

Второй приставъ.

Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

*

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ (Григорію.)

Да ты, братъ, видно забавникъ.

(Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой.)

ВАРЛААМЪ (продолжаетъ:)

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бо-
«родавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно).

ПРИСТАВА.

Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ).

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІЙ, множество гостей. Ужинъ.

ШУЙСКІЙ.

Вина еще! (Встаетъ, за нимъ и всѣ.) Ну, гости дорогіе, Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внимли:

Помолимся о нашемъ Государѣ,
Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Поддай ему побѣду на враги.
Да славится онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ;
И Царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ.

Шуйскій (пѣть.)

Да здравствуетъ Великій Государь!
Простите же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

(Гости уходятъ, онъ провожаетъ до дверей.)

Пушкинъ.

Пасилу убрался; пу, Князь Василій Ивановичъ, я ужъ
думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій (слугамъ.)

Вы что ротъ разинули? Все бы вамъ господъ подслу-
шивать. Сбирайте со стола, да ступайте вошъ. Что такое,
Аѳанасій Михайловичъ?

Пушкинъ.

Чудеса да и только !
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій.

Ну.

Пушкинъ.

Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго... Постой. (Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ.)
Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный....

Шуйскій.

Да это ужъ не ново.

Пушкинъ.

Погоди :

Димитрій живъ.

Шуйскій.

Вотъ-на ! какая вѣсть !
Царевичъ живъ ! Ну, подлинно чудесно !
И только-то.

Пушкинъ.

Послушай до конца :
Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій.

Не можетъ быть.

Пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ прїѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды Литовскихъ Пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату Короля.

Шуйскій.

Кто жъ онъ такой? откуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаютъ,
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый Панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что жъ говорятъ объ этомъ удалецъ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ,
И говорятъ, помогу общалъ.

Шуйскій.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.

Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ править нами,
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
Своимъ жезломъ не подгребаеъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, кlobукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь!
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Невластны мы въ помѣстіяхъ своихъ,

Не смѣй согнать лѣнивца ! Радъ не радъ,
Корми его ! Не смѣй переманить
Работника ! Не то — въ Приказъ Холопій.
Ну, слыхано ль хотъ при Царѣ Иванѣ
Такое зло ? А легче ли народу ?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь ли ? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человекъ разумный ;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подчасъ тревожить,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ ;
Къ тому жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мнѣ развязали....
Прощай же, Князь.

Шуйскій.

Прощай, братъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ ЧЕРТИТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТУ. ЦАРЕВНА, МАМКА
ЦАРЕВНЫ.

КСЕНІЯ (цѣлуетъ портретъ.)

Милый мой женихъ , прекрасный Королевичъ , не мнѣ
ты достался , не своей невѣстѣ , а темной могилкѣ , на чу-
хой сторонкѣ : никогда не утѣшусь , вѣчно по тебѣ буду
плакать.

МАМКА.

И, Царевна ! Дѣвица плачетъ , что роса падаетъ : взой-
детъ солнце , росу высушить . Будетъ у тебя другой же-
нихъ и прекрасный , и привѣтливый . Полюбишь его , дитя
наше ненаглядное , забудешь Ивана Королевича .

КСЕНІЯ.

Нѣтъ , мамушка , я и мертвому буду ему вѣрна .

(Входитъ Борисъ.)

ЦАРЬ

Что , Ксенія ? что , милая моя ?

Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица !

Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ .

Дитя мое ! судьба мнѣ не судила

Виновникомъ быть вашего блаженства .

Я , можетъ быть , прогнѣвалъ небеса ,

Я счастье твое не могъ устроить ;

Безвинная ! зачѣмъ же ты страдаешь ?

А ты , мой сынъ , чѣмъ занятъ ? Это что ?

ТЕОДОРЪ.

Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь : тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса.
А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое
Узоромъ здѣсь виѣтся?

ТЕОДОРЪ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

Какъ хорошо ! Вотъ сладкій плодъ ученья !
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ : границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ : наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семень Годуновъ.)

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(Ксенія) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу ;
Прости, мой другъ ; утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходятъ).

Что скажешь мнѣ, Семень Никитичъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нынче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій Князь—Василья
И Пушкина слуги пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часть
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ужъ послано въ догоню.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь!

Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ.)

ЦАРЬ.

Сношенія съ Литвою! Это что?...

Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,

А Шуйскому не должно довѣрять:

Уклончивый, но смѣлый и лукавый....

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.

Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:

И выслушать хочу тебя сперва.

ШУЙСКІЙ.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

ШУЙСКІЙ (тихо указывая на Тео-
дора.)

Но, Государь....

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

ШУЙСКІЙ.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть....

ЦАРЬ.

Не та ли,

Что Пушкину привезъ вѣчоръ гонецъ?

ШУЙСКІЙ.

Все знаетъ онъ!... Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ.

Нѣтъ нужды, Князь; хочу сообразить
Извѣстія, иначе не узнаемъ
Мы истины.

ШУЙСКІЙ.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

ЦАРЬ.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

ШУЙСКІЙ.

Не вѣдаю.

ЦАРЬ.

Но.... чѣмъ опасенъ онъ?

ШУЙСКІЙ.

Конечно, Царь, сильна твоя держава!
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,

Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ.

Димитрія!.... какъ? этого младенца?
Димитрія!... Царевичъ, удались!

ШУЙСКІЙ.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

ТЕОДОРЪ.

Государь,

Дозволишь ли?...

ЦАРЬ.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Теодоръ уходитъ.)

Дмитрія!...

ШУЙСКІЙ.

Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ.

Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа

Не перешла за эту грань ; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

ШУЙСКІЙ.

Иду.

ЦАРЬ.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?
Смѣшно? а? что? чтожъ не смѣешься ты?

ШУЙСКІЙ.

Я, Государь?...

ЦАРЬ.

Послушай, Князь Василій:

Какъ я узналъ, что отрока сего....
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
Тебя Крестомъ и Богомъ заклиною,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

ШУЙСКІЙ.

Клянусь тебѣ....

ЦАРЬ.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, Князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный:
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробъ спитъ.

Царь.

Довольно, удались!

(Шуйскій уходитъ.)

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжело опускалась....
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй — и нѣтъ его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего....
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

1

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ и РАТЕРЪ ЧЕРНИКОВСКІЙ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья.
Я знаю духъ народа моего;
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
Ему священъ примѣръ Царя его.
Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся Восточна Церковь
Признають власть Намѣстника Петра.

РАТЕР.

Вспомоществуй тебѣ святыи Игнатій,
Когда прійдутъ иныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, Царевичъ, сѣмяна ;
Притворствовати предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велить :
Твои слова, дѣянья — судятъ люди ;
Намѣренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Амен. Кто тамъ ?

(Входитъ слуга.)

Сказать : мы принимаемъ.

(Отворяются двери, входитъ толпа Русскихъ и Поляковъ)

Товарищи ! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю : твой гостепріимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой.
Преместную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны Славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны ;
Но между васъ я вижу новы лица.

Г А В Р И Л А П У Ш К И Н Ъ .

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

С А М О З В А Н Е Ц Ъ .

Радъ вамъ, дѣти.
Ко мнѣ друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
Красавецъ сей?

П у ш к и н њ .

Князь Курбскій.

С А М О З В А Н Е Ц Ъ (Курбскому.)

Имя громко !
Ты родственникъ Казанскому герою?

К у р б с к і й .

Я сынъ его.

С А М О З В А Н Е Ц Ъ .

Онъ живъ еще?

К у р б с к і й .

Нѣтъ, умеръ.

С А М О З В А Н Е Ц Ъ .

Великій умъ ! мужъ битвы и совѣта !
Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ Литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

КУРЬСКІЙ.

Мой отецъ
Въ Волынѣи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады.
Но мирный трудъ его не утѣшалъ :
Онъ юности своей отчизну помнилъ
И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Несчастный вождь ! какъ ярко просіалъ
Восходъ его шумящей, бурной жизни !
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится ;
Вины отцовъ не должно вспоминать :
Миръ гробу ихъ ! Приблизься, Курбскій.... руку !
Не странно ли ? сынъ Курбскаго ведетъ
На тронъ, кого ? да — сына Іоанна !...
Все за меня : и люди, и судьба.
Ты кто такой ?

ПОЛЯКЪ.

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо !
Впередъ ему треть жалованья выдать.
Но эти кто ? я узнаю на нихъ
Земли родной одежду. Это наши.

Хрущовъ (бьетъ челомъ.)

Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
Къ тебѣ, нашъ Царь, и за тебя готовы
Главами лечь; да будутъ наши трупы
На Царскій тронъ ступенями тебѣ.

Самозванецъ.

Мужайтесь, безвинные страдалцы.
Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ Борисъ расплатится во всемъ.
Ты кто?

Карела.

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ Атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои Царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

Самозванецъ.

Я зналъ Донцовъ : не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ Донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Поэтъ (приближается, кланяясь низко
и хватая Гришку за полу.)

Великій Принцъ, Свѣтлѣйшій Королевичъ !

Самозванецъ.

Что хочешь ты ?

Поэтъ (подаетъ ему бумагу.)

Примите благосклонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

Самозванецъ.

Что вижу я? Латинскіе стихи !
Стократь священъ союзъ меча и лиры ;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ Латинской музы голосъ.
И я люблю Парнасскіе цвѣты.
Я вѣрую въ пророчества піитовъ.
Нѣтъ. не вотще въ ихъ пламенной груди
Кипитъ восторгъ : благословится подвигъ,
Его жъ они прославили заранѣ !
Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье
Прими сей даръ. (Даетъ ему перстень.)

Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.

В с ѣ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій,
Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

УБОРНАЯ МАРИНЫ.

МАРИНА, РУЗЯ УБИРАЕТЪ ЕЕ: СЛУЖАНКИ.

МАРИНА (передъ зеркаломъ.)

Ну, что жъ? готово ли? нельзя ли поспѣшить?

РУЗЯ.

Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудный?

МАРИНА

Алмазный мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали....
Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлся.

А точно, говорятъ, на васъ
Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

МАРИНА.

Нельзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.

Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.
Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ;
Не могъ онъ утаить восторга своего;
Ужъ раненъ онъ, такъ надобно его
Сразить рѣшительнымъ ударомъ.
А точно, Панна, онъ влюбленъ:
Вотъ мѣсяцъ, какъ оставя Краковъ,
Забывъ войну, Московскій тронъ,
Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ,
И бѣситъ Русскихъ и Поляковъ.
Ахъ, Боже мой! дождусь ли дня?...
Не правда ли, когда въ свою столицу
Димитрій повезетъ Московскую Царицу,
Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, Царицей буду я?

РУЗЯ.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красотою
Равняться здѣсь съ моею госпожею?
Родъ Мишиковъ ни чьему еще не уступалъ;
Умомъ — превыше вы похвалъ....
Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ,
Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ —
Кто бъ ни былъ онъ, хоть нашъ Король,

Или Французскій Королевичъ...

Не только нищій вашъ Царевичъ,

Богъ вѣсть — какой, Богъ вѣсть — отколь !

МАРИНА.

Онъ точно Царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

РУЗЯ.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

МАРИНА.

Скрывался онъ.

РУЗЯ.

Не спорю я объ этомъ.

А только знаете ли вы,

Что говорятъ о немъ въ народѣ?

Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,

Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости !

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ !

Я только говорю, что долженъ онъ конечно

Благословлять еще судьбу, когда сердечно

Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА (вбѣгаетъ.)

Ужъ гости съѣхались.

МАРИНА.

Вотъ видишь : ты до свѣта

Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣта....

Р у з я.

Сейчасъ, готово все.

(Служанки суетятся.)

МАРИНА (просебя.)

Мнѣ должно все узнать....

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

ВИШНЕВЕЦКІЙ, МНИШЕКЪ.

Мнишекъ.

Онъ говорить съ одной моей Мариной,
Мариною одною занятъ онъ....
А дѣло—то на свадьбу страхъ похоже.
Ну, думалъ ты — признайся, Вишневецкій —
Что дочь моя Царицей будетъ, а?

Вишневецкій.

Да, чудеса!... И думалъ ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московской?

Мнишекъ.

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвилъ : ну, смотри !

*

Не упускай Дмитрія!... и вотъ
Все кончено : ужъ онъ въ ея сѣтяхъ!

(Музыка играетъ Польскій. Самозванецъ
идеть съ Мариною въ первой парѣ).

МАРИНА (тихо Дмитрію.)

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,
Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара.)

КАВАЛЕРЪ.

Что въ ней нашелъ Дмитрій?

ДАМА.

Какъ! Она

Красавица.

КАВАЛЕРЪ.

Да, мраморная нимфа :
Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки....

(Новая пара.)

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятенъ ;
И Царская порода въ немъ видна.

(Новая пара.)

ДАМА.

Когда жъ похоть?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велитъ Царевичъ.
Готовы мы ; но видно, Панна Мнишекъ
Съ Дмитріемъ задержитъ насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнъ.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы....

(Расходятся; комнаты пустѣютъ).

МНИШЕКЪ.

Мы, старики, ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣлуемъ....
Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежь ей-ей не такъ смѣла;
И красота не такъ ужъ весела;
Признайся, другъ: все какъ-то пріуныло.
Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ отрыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ—ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
А между тѣмъ посудимъ кой-о-чемъ.
Пойдемъ же, братъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

И дѣло, другъ, пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, МАРИНА.

САМОЗВАНЕЦЪ (входитъ.)

Вотъ и фонтанъ ; она сюда прійдетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ ;
Передъ собой въблизи видалъ я смерть ;
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались — я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что жъ теперь тѣснить мое дыханье?
Что значить сей неодолимый трепетъ ?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову Московскою Царицей ;
Но часъ насталъ, и ничего не помню,
Не нахожу затверженныхъ рѣчей ;
Любовь мутитъ мое воображеніе....
Но что-то вдругъ мелькнуло.... шорохъ.... тише....
Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
И шумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА (входитъ.)

Царевичъ !

САМОЗВАНЕЦЪ.

Она !... Вся кровь во мнѣ остановилась.

МАРИНА.

Димитрій ! Вы ?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ !

(Идетъ къ ней) Ты ль наконецъ ? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи ?
Какъ медленно катился скучный день !
Какъ медленно заря вечерня гасла ?
Какъ долго ждалъ во мракѣ я nocturne !

МАРИНА.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время.
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты ; но слушай : я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной
Соединить судьбу мою ; — то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного :
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья ;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь, не съ дѣтской слѣпотой ;
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя ;
Но какъ тебя достойная сѹпруга,
Помощница Московскаго Царя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги !
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина ! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви !
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно !

МАРИНА.

Не время, Князь. Ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ ;
Часть отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе ;
Ужъ носятся сомнительные слѣхи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну ;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры....

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ ? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство ?
Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на Царственную власть.
Твоя любовь.... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и Русская держава?
Въ мухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону ;
Твоя любовь....

МАРИНА.

Стыдись ! не забывай

Высокаго, святаго назначенья :
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣненному моею красотой, —
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику Московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина ! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ ! ежели... о страшное сомнѣнье !
Скажи : когда бъ не Царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ ;
Тогда бъ.... тогда бъ любила ль ты меня ?

МАРИНА.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь !
Другаго мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ ! полно ;

Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей :
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать ! Скажу
Всю истину ; такъ знай же : твой Димитрій

Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснётъ :
 А хочешь ли ты знать; кто'я таковъ?
 Изволь, скажу : я бѣдный черноризецъ !
 Монашеской неволею 'скучая,
 Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
 Обдумалъ я ; готовилъ міру чудо —
 И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
 Къ Украинцамъ, въ ихъ буйныя кѹрени;
 Владѣть конемъ и саблей научился;
 Явился къ вамъ , Димитріемъ назвался, —
 И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
 Что скажешь ты, надменная Марина?
 Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
 Что жъ ты молчишь ?

МАРИНА.

О стыдъ ! о горе мнѣ !

(Молчаніе.)

Самозванецъ (тихо.)

Куда завлекъ меня порывъ досады !
 Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
 Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
 Что сдѣлалъ я, безумецъ ? (Вслухъ.) Вижу, вижу :
 Стыдишься ты не княжеской любви;
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
 Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба,
 Рѣши : я жду (бросается на колѣна).

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ !
 Не мнишь ли ты колѣнопреклоненіемъ,
 Какъ дѣвочки доврчивой и слабый

Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ : у ногъ своихъ видала
Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣгло монаха....

САМОЗВАНЕЦЪ (встаетъ.)

Не презирай младаго самозванца ;
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной....

МАРИНА.

Достойныя позорной петли, дерзкій !

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я ; гордыней обуянный,
Обманивалъ я Бога и Царей —
Я міру лгалъ. Но не тебѣ Марина,
Меня казнить ; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ !
Кто требовалъ признанья твоего ?
Ужъ если ты, бродяга безымянный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа ;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты

Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотою,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь? ..
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ моимъ отцемъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ Королемъ.
Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признание.
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ заветномъ разговорѣ,
Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.
О, вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный приемышъ Іезуитовъ?
Иль честію, какъ витязъ благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ Царскимъ словомъ,
Какъ Царскій сынъ? не такъ ли? говори.

Димитрій (гордо.)

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою Полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ : игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ !
Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною ;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣ предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ Польской дѣвѣ,
Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.

Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны!
Имъ это лишъ и нужно : и тебя!
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

МАРИНА.

Постой, Царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа ;
Съ тобою, Князь, она меня мирить.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай :
Пора, пора! Проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву ;
Очисти Кремль, садись на тронъ Московскій —
Тогда за мной шли брачнаго посла!
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слышать я.

(Уходитъ)

САМОЗВАНЕЦЪ

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ Іезуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ :
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя ! змѣя ! Не даромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено : завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(1604 ГОДА, 16-Е ОКТЯБРЯ).

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ и САМОЗВАНЕЦЪ, ОБА ВЕРХОМЪ; ПОЛКИ ПРИ-
БЛИЖАЮТСЯ КЪ ГРАНИЦЪ.

КУРБСКІЙ (прискакавъ первый.)

Вотъ, вотъ она!... вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! Я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ; пью жадно вѣздухъ новѣй:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробъ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надѣжу-Государя!...

САМОЗВАНЕЦЪ (ѣдетъ тихо съ поник-
шей головой.)

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
Забывъ отцемъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна,
Готовишься законнаго Царя

Ты возвратить отечеству.... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

—
КУРБСКИЙ.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь — она твоя, Царевичъ!
Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь Русская, о Курбский, потечетъ!
Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!...
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-Цареубійца!
Впередъ!

КУРБСКИЙ.

Впередъ! — и горе Годунову!
(Скачутъ. Полки переходятъ черезъ границу).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРИАРХЪ и БОЯРЕ.

ЦАРЬ.

Возможно ли? разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,

Дерзаетъ намъ писать угрозы ! Полно,
Пора смирить безумца ! Потѣжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

Б А С М А Н О В Ъ .

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчить и слухъ о самозванцѣ ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь.

(Уходитъ съ Трубецкимъ).

Ц А Р Ъ .

Мнѣ Свейскій Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ ;
Но не нужна намъ чуждая помощь :
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и Ляха.
Я отказалъ.

Щелкаловъ ! разослать
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
Чтобъ на коня сядились, и людей
По старинѣ на службу высымали ;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли ;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ.

Пусть молятся за насъ они — таковъ
Указъ Царя и приговоръ Боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ :
Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи ;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье ;
На площадяхъ мятежный бродитъ шепотъ,
Умы кипятъ.... ихъ нужно остудить ;
Предупредить желалъ бы казни я,
Но чѣмъ и какъ ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святой Отецъ, свою повѣдай мысль.

ПАТРИАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душѣ твоей, великій Государь !
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье :
Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.

Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ :
Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Дмитріемъ въ народѣ ;
Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
Украденной безстыдно облачился :
Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ :

Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на Царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну :

«Въ молодыхъ лѣтахъ», сказалъ онъ, «я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости : напрасно я лечился
И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ Чудотворцамъ ;
Напрасно я изъ кладязей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
И къ тмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снились мнѣ только звуки. Разъ
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ : встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ—градъ, въ Соборъ Преображенья ;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитри. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ.
И я теперь великій Чудотворецъ.
Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ :
Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.

Пойду — и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святой Соборъ, и слушаю обѣдню,
И, разгораясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ : Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня — и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли : я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку.»
Вотъ, Государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей
рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо
платкомъ.)

Я посыламъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой Царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ : во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ Соборъ
Архангельскомъ ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

(Молчаніе).

Князь Шуйскій.

Святой отецъ, кто вѣдаетъ пути
Всевышняго ? Не мнѣ его судить.

Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ ;
Но надлежитъ народную молву
Исслѣдовать прилежно и безстрастно ;
А въ бурныя ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ :
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить ;
Но есть на то иныя средства — проще.
Такъ, Государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство,
И злой обманъ бродяги обнаружу.

ЦАРЬ.

Да будетъ такъ! Владыка Патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату :
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ, за нимъ и всѣ Бояре).

Одинъ бояринъ (тихо другому.)

Замѣтилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ,
И крупный потъ съ лица его закапалъ ?

Второй.

Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

Первый.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ !

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СВВЕРСКАГО.

(1604 года 21 декабря).

БИТВА.

Воины (бѣгутъ въ безпорядкѣ.)

Бѣда, бѣда ! Царевичъ ! Ляхи ! Вотъ они ! вотъ они !

(Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ).

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons.... пошелъ назадъ !

Одинъ изъ бѣглецовъ.

Самъ *пошелъ*, коли есть охота, проклятый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

Другой.

Ква ! ква ! тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на
Русскаго Царевича ; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Diab!e, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЪ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

(ВХОДЯТЪ НѢМЦЫ)

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся).

March!

НѢМЦЫ (идутъ).

Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ).

Л я х и.

Побѣда ! побѣда ! Слава Царю Димитрію !

ДИМИТРІЙ (верхомъ.)

Ударить отбой ! Мы побѣдили. Довольно ; щадите Русскую кровь. Отбой !

(Трубятъ ; бьютъ барабаны).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРОДЪ.

Одинъ.

Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора ?

Другой.

Обѣдня кончилась, теперь идетъ молебствіе.

Первый.

Что, ужъ проклинали того ?

Другой.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ : Гришка Отрепьевъ — анаеема !

Первый.

Пускай себѣ проклинаятъ : Царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

Другой.

А Царевичу поютъ теперь вѣчную память.

Первый.

Вѣчную память живому ! Вотъ уже имъ будетъ, безбожникамъ.

Третій.

Чу ! шумъ. Не Царь ли ?

Четвертый.

Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчиками).

Мальчишки.

Желѣзный колпакъ ! желѣзный колпакъ !... тр р р р....

Старуха.

Отвяжитесь отъ него, бесенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

Юродивый.

Дай, дай, дай копѣчку.

Старуха.

Вотъ тебѣ копѣчка ; помани же меня.

ЮРОДИВЫЙ (садится на землю и поетъ) :

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися !

(Мальчишки окружаютъ его снова.)

Одинъ изъ нихъ.

Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь?
(Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.) Экъ она звонить !

ЮРОДИВЫЙ.

А у меня копѣчка есть.

МАЛЬЧИШКА.

Неправда, — ну, покажи.

(Вырываетъ копѣчку и убѣгаетъ.)

ЮРОДИВЫЙ (плачетъ.)

Взяли мою копѣчку, обижаютъ юродиваго.

НАРОДЪ.

Царь, Царь идетъ !

(Царь выходитъ изъ Собора ; Бояринъ впереди
раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)

ЮРОДИВЫЙ.

Борисъ, Борисъ ! мальчишки обижаютъ юродиваго.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню ! О чемъ онъ плачетъ ?

ЮРОДИВЫЙ.

Мальчишки меня обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ! Схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте. Молись за меня, юродивый.

(Уходитъ).

ЮРОДИВЫЙ (ему вслѣдъ.)

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за Царя — Ирода: Богородица не велитъ.

СѢВСКЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, окруженный своими.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

Ляхъ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ Русскій плѣшникъ.)

Кто ты?

Плѣшникъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ.

Съ мѣсяцъ будетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

Плѣнникъ.

Какъ быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣнникъ.

Я прибылъ
Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ?

Плѣнникъ.

Онъ очень былъ встревоженъ
Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго посламъ
Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ.

Царь наградилъ его заслуги честию
И золотомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ
Теперь сидитъ.

Самозванецъ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.
Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ.

Все, слава Богу, тихо.

Самозванецъ.

Что, ждутъ меня?

Плѣнникъ.

Богъ знаетъ ; о тебѣ
Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая право притча —
Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.
На площади, гдѣ челоуѣка три
Сойдутся — глядь — лазутчикъ ужъ и вѣтся,
А Государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
Какъ разъ бѣда ; такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей !
Ну, войско что ?

Плѣнникъ.

Что съ нимъ ? одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да много ли его?

Плѣнникъ.

Богъ вѣдаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А будетъ тысячь тридцать?

Плѣнникъ.

Да наберешь и тысячь пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; окружающіе
смотреть другъ на друга.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ.

А говорятъ о милости твоей,
Что ты—дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодецъ.

САМОЗВАНЕЦЪ (смѣясь.)

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу : друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго ; я поздравляю васъ :
На завтра бой.

(Уходитъ).

Всѣ.

Да здравствуетъ Димитрій !

Ляхъ.

На завтра бой ! Ихъ тысячь пятьдесятъ,

А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ :
Съ ума сошелъ.

Другой.

Пустое, другъ : Полякъ
Одинъ пятьсотъ Москалей вызвать можетъ.

Плѣнникъ.

Да, вызовешь ! а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

Ляхъ.

Когда бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
То я тебя (указывая на свою саблю) вотъ этимъ бы смирилъ.

Плѣнникъ.

Нашъ братъ Русакъ безъ сабли обойдется :
Не хочешь ли вотъ этого? (показывая кулакъ.) Безмозглый !

(Ляхъ гордо смотритъ на него и молча
отходить. Всѣ смѣются).

—

ЛѢСЪ.

ЛЖЕДИМИТРІЙ, ПУШКИНЪ.

Лжедимитрій.

Мой бѣдный конь ! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженъе,
И раненый какъ быстро несъ меня !
Мой бѣдный конь !

Пушкинъ (просебя.)

Ну, вотъ о чемъ жалѣеть,
Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!

Самозванецъ.

Послушай. Можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

Пушкинъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ (идетъ къ коню.)

Мой бѣдный конь!... что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Изохнетъ онъ.

(Разуздываетъ и разсѣдываетъ коня. Входятъ нѣсколько Ляховъ.)

Здорово, господа!

Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ!
Гдѣ жъ витязь мой?

Ляхъ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

Самозванецъ.

Честь храброму и миръ его душѣ?

Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло !
Измѣнники, злодѣи Запорожцы,
Проклятые, вы, вы сгубили насъ !
Не выдержать и трехъ минутъ отпора !
Я ихъ уже ! десятого повѣшу,
Разбойники !

Пушкинъ.

Кто тамъ ни виноватъ,
Но все таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванецъ.

А дѣло было наше !
Я было снялъ передовую рать —
Да Нѣмцы насъ порядкомъ отразили !
А молодцы, ей Богу, молодцы !
Люблю за то ; изъ нихъ ужъ непремѣнно
Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ.

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать ?

Самозванецъ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ ?
Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь ; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
Спокойна ночь.

(Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ).

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичъ !
Разбитый въ прахъ, спасаясь побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя :

**

Хранить его конечно Провидѣнье ; —
И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

ЦАРЬ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлають межъ тѣмъ герои наши?
Стоять у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ—подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими не доволенъ ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними ;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы ;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужить !
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВЪ.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь !

ЦАРЬ.

День этотъ недалёкъ ;

Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ.

Что на него смотрѣть?

Всегда народъ къ смятенію тайно склоненъ :
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды ;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ :
Но что жъ ? конемъ спокойно всадникъ править ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ .

ЦАРЬ.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока ,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ :
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ . Такъ думалъ Іоаннъ ,
Смиритель бурь , разумный Самодержецъ ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ .
Нѣтъ , милости не чувствуетъ народъ :
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо ;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже .

(Входитъ Бояринъ.)

Что ?

Бояринъ.

Привели гостей иноплемennыхъ .

ЦАРЬ.

Иду принять ; Басмановъ , погоди ,
Останься здѣсь : съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить .

(Уходитъ.)

БАСМАНОВЪ.

Высокій духъ державный !

Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворить.
Мысль важная въ умъ его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У Царскаго престола стану первый....
И можетъ быть.... Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Бояре, придворные служители въ
безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ.)

Одинъ.

За лекаремъ!

Другой.

Скорѣе къ Патріарху.

Третій.

Царевича, Царевича зоветъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Духовника!

БАСМАНОВЪ.

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, Царь умираетъ.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

Пятый.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на ступѣ; все Царское
сѣмство, всѣ Бояре.)

Царь.

Подите всѣ — оставьте одного.
Царевича со мною. (Всѣ удаляются.) Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь.... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья.... такъ и быть!
Я поданнымъ рождень, и умереть
Мнѣ поданнымъ во мракѣ бѣ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты приемишь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ!
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленіи искушенный,
Могъ удержать смятеніе и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты молодой, неопытный властитель,

Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу.... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избири
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ Боярахъ
Почтеннаго породой или славой —
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка —
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріямъ.
Со временемъ и по немногу снова
Затягивай державныя бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни Уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ
На воздухъ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту

Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ молодые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣтъ.
Въ семьѣ своей будь всегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Оеодоръ (на колѣняхъ.)

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный холодъ....

(Входятъ Патріархъ, Святители, за ними
всѣ Бояре. Царицу ведутъ подъ руки; Ца-
ревна рыдаетъ.)

Кто тамъ?

А! схима.... такъ! святое постриженіе....
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ —
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка Патріархъ!
Я Царь еще. Внемлите вы, Бояре:
Се тотъ, кому приказываю Царство;
Цѣлуйте крестъ Оеодору.... Басмановъ,
Друзья мои!... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Царь.

Я доволенъ.

Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи

И вольныя и тайныя обиды....

Святой отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ
въ обморокъ выносятъ).

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

Басмановъ.

Войди сюда и говори свободно.

И такъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ ?

Пушкинъ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ

И первый санъ по немъ въ Московскомъ Царствѣ.

Басмановъ.

Но я и такъ Θεодоромъ высоко

Ужъ вознесенъ : начальствую надъ войскомъ :

Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,

И гнѣвъ Бояръ. Я присягалъ ему.

Пушкинъ.

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному ; но если живъ другой,
Законнѣйшій ?...

Басмановъ.

Послушай, Пушкинъ, полно ;
Пустаго мнѣ не говори ; я знаю,
Кто онъ такой.

Пушкинъ.

Россія и Литва

Димитріемъ давно его признали ;
Но впрочемъ я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

Басмановъ.

Пока стою за юнаго Царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу !
Побѣдою я ихъ одушевлю,
А вы кого противъ меня пошлете,
Не казака ль Карелу, али Мнишка ?
До много ль васъ ? всего—то восемь тысячъ.

Пушкинъ.

Ошибся ты : и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше дрянъ,
Что казаки лишь только села грабятъ,

Что поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ ,
А Русскіе.... да что и говорить !
Передъ тобой не стану я лукавить ;
Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ ?
Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помощью,
А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушные сдавались города,
А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала ?
Ты видѣлъ самъ : охотно ль ваши рати
Сражались съ нимъ ? Когда же ? при Борисѣ !
А нынче ль ?... нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздуть холодный пепелъ брани :
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь ; не лучше ли тебѣ
Дать первому примѣръ благородной,
Димитрія Царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки удружить ?
Какъ думаешь ?

БАСМАНОВЪ.

Узнаете вы завтра.

ПУШКИНЪ.

Рѣшись.

БАСМАНОВЪ.

Прощай.

ПУШКИНЪ.

Подумай же, Басмановъ.

(Уходитъ).

БАСМАНОВЪ..

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣтъ :
Что дѣлать мнѣ? Уже ли буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому.... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младаго Вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ ль любимцу Государя....
По смерть.... по власть.... по бѣдствія народны....
(Задумывается.)
Сюда! кто тамъ? (Свищетъ) Коня! трубите сборъ!

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЪ идетъ окруженный народомъ.

НАРОДЪ.

Царевичъ намъ Боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ Бояринъ.
Сюда! сюда!

Пушкинъ (на амвонѣ.)

Московскіе граждане!
Вамъ кланяться Царевичъ приказалъ. (Кланяется.)

Вы знаете, какъ Промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасти ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась ;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха ?

Народъ.

Вѣстимо нѣтъ.

Пушкинъ.

Московскіе граждане !

Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца :
Опалу, казнь, безчестіе, налоги ;
И трудъ, и гладъ, все испытали вы.
Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать ?
Но онъ идетъ на Царственный престолъ
Своихъ отцевъ въ сопровожденіи грозномъ.
Не гнѣвайте жъ Царя и бойтесь Бога,
Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ ;
Смиритесь ; немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ Митрополита,

Бояръ, Дьяковъ и Выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и Государю.

(Сходитъ. Шумъ народный).

НАРОДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

МУЖИКЪ НА АМВОНЪ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка!

НАРОДЪ (несется толпою.)

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

—

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

ΘЕОДОРЪ, подъ окномъ.

НИЩІЙ.

Дайте милостыню Христа ради?

СТРАЖА.

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

ΘЕОДОРЪ.

Поди, старикъ, я бѣднѣ тебя: ты на волѣ.

(Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также
къ окну).

Одинъ изъ народа.

Братъ да сестра—бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ!

Другой.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

Первый.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣти невинны.

Другой.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

Ксенія.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ Бояре идутъ.

Ееодоръ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерешевинъ; за ними трое стрѣльцовъ).

Народъ.

Разступитесь, разступитесь: Бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ.)

Одинъ изъ народа.

Зачѣмъ они пришли?

Другой.

А вѣрно приводитъ къ присягѣ Еоодора Годунова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ. Тревога!... дерутся!

НАРОДЪ.

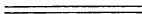
Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ.... Войдемъ!... Двери заперты; крики замолкли; шумъ продолжается.

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ.)

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Феодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ.) Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ БЕЗМОЛВСТВУЕТЪ.

СЦЕНА ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА *).

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

ГРИГОРІЙ и ЗЛОЙ ЧЕРНЕЦЪ.

Григорій.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье?
День приходитъ, день проходитъ—видно, слышно все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колоколь!
День зѣвая бродишь, бродишь; дѣлать нечего—соснешь;
Ночью долгою до свѣта все не спится Чернецу!
Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ,
Радъ, что въ колоколь ударятъ, что разбудятъ костью...
Нѣтъ, не вытерплю! Нѣтъ мочи. Черезъ ограду—да бѣгомъ!
Міръ великъ: мнѣ путь — дорога на четыре стороны:
Поминай, какъ звали.

Чернецъ.

Правда — ваше горькое житье
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

*) Эта сцена выброшена была Пушкинымъ, хотя и напечатана была при его жизни, въ 1833 году (См. примѣчанія).

Григорій.

Хоть бы Ханъ опять нагрянулъ , хоть Литва бы поднялась,
Такъ и быть , пошелъ бы съ ними перевѣдаться мечемъ !
Что, когда бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ воскресъ
И вскричалъ : «А гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные мои ?
Вы подите на Бориса, на злодѣя моего,
Изловите супостата, приведите мнѣ его !»

Чернецъ.

Полно, не болтай пустаго. Мертвыхъ намъ не воскресить;
Нѣтъ, царевичу иное видно было суждено....
Но, послушай , если дѣло затѣвать, такъ затѣвать....

Григорій.

Что такое ?

Чернецъ.

Если бъ я былъ также молодъ, какъ и ты,
Если бъ усь не пробивала ужъ лихая сѣдина....
Понимаешь ?

Григорій.

Нѣтъ, ни сколько !

Чернецъ.

Слушай. Глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго Варяга и теперь любезно имъ !
Ты Царевичу ровесникъ.... если ты хитеръ и твердъ....
Понимаешь ?

Григорій.

Понимаю...

ЧЕРНЕЦЪ.

Что же скажешь ?

Григорій.

Рѣшено !

Я Димитрій, я Царевичъ !

ЧЕРНЕЦЪ.

Дай мнѣ руку : будешь Царь !

=====

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

I.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

(1826.)

БЕРЕГЪ МОРЯ. ФАУСТЪ И МЕФИСТОФИЛЬ.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ?

Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ :
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезъ мѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ —

★

И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты.

ФАУСТЪ.

Сухая шутка !
Найди мнѣ способъ какъ нибудь
Разсѣяться.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Доволенъ будь
Ты доказательствомъ разсудка.
Въ своемъ альбомѣ запиши :
Fastidium est quies — скука
Отдохновеніе души.
Я психологъ.... О вотъ наука !...
Скажи , когда ты не скучалъ ?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
А розги умъ твой возбуждали ?
Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ
Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ
Имъ пылъ вечерняго похмѣлья ?
Тогда ль, какъ погрузился ты
Въ великодушныя мечты,
Въ пучину темную науки ?
Но, помнится, тогда со скуки,
Какъ арлекина, изъ огня
Ты вызвалъ наконецъ меня.
Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
Развеселить тебя старался,
Возилъ и къ вѣдьмамъ, и къ духамъ,
И что же ? — все по пустякамъ.

Желалъ ты славы — и добился,
Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможну дань,
А былъ ли счастливъ?

ФАУСТЪ.

Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни пѣтъ ;
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ.
А слава... лучъ ея случайной
Неуловимъ. Мѣрская честь
Безсмысленна, какъ сонъ.... Но есть
Прямое благо : сочетанье
Двухъ душъ....

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого извоишь поминать?
Не Гретхенъ ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесной,
Гдѣ сладко-звонкія струи,
Тамъ, на груди ея прелестной
Покою томную главу,
Я счастливъ былъ....

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты,
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свелъ ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Какъ вы вдвоемъ — все помню я!
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

ФАУСТЪ.

Говори. Ну, что?

МЕФИСТОФИЛЬ.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она....
Что жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой?

На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ :
Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло ;
Такъ на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Развратъ косится боязливо....
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье....

ФАУСТЪ.

Сокройся, адское творенье !
Бѣги отъ взора моего !

МЕФИСТОФИЛЬ.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу :
Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя
Не смѣю отлучаться я :
Я даромъ времени не трачу.

ФАУСТЪ.

Что тамъ бѣлѣтъ ? говори.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Корабль Испанскій трехмачтовый,
Пристать въ Голландію готовый :
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Двѣ обезьяны, бочки злата,

Да грузъ богатый шоколата....

.

Ф А У С Т Ъ.

Все утопить.

М Е Ф И С Т О Ф И Л Ъ.

Сейчасъ.

(Исчезаетъ).

=====

II.
СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(1830.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(ВЪ БАШНѢ).

АЛЬБЕРЪ и ИВАНЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.

(Иванъ подаетъ ему шлемъ.)

Пробить насквозь, испорченъ. Невозможно
Его падѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ ! проклятый Графъ Делоржъ !

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ отплатили :
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,

..

Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ ли
Оправился.

АЛЬБЕРЪ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ ;
Его нагрудникъ цѣль Венеціанскій —
А грудь своя гроша ему не стоитъ —
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же !
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ !
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платью нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ ; я въ латахъ былъ одинъ
За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А нынче что скажу ? О, бѣдность, бѣдность !
Какъ унижаетъ сердце намъ она !
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ Графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажа ; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лице, невольно закричала
И славили Герольды мой ударъ :
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной !
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ ;
Героизму что виною было ? — Скупость.
Да ! заразиться здѣсь не трудно ею

Подъ кровлею одной съ моимъ отцемъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдова :
Недорого и просить за него.

ИВАНЪ.

Не дорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ говорить бездѣльникъ Соломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

АЛЬБЕРЪ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ?

ИВАНЪ.

Я сказывалъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ онъ?

ИВАНЪ.

Кряхтитъ да жметъся.

АЛЬБЕРЪ.

Да ты бѣ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано ль, поздно ль
Всеу наслѣдую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ?

ИВАНЪ.

Жметса да кряхтитъ.

АЛЬБЕРЪ.

Какое горе!

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ прійти.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его.

(Стучать въ дверь.)

Кто тамъ?

(Входитъ жидъ.)

Жидъ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРЪ.

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ.

Жидъ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ, радъ бы.... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете ль хоть часть отдать....

Альбертъ.

Разбойникъ!

Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ.

Сотню!

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альбертъ.

Слушай:

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

Жидъ.

Клянусь вамъ....

Альбертъ.

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? — свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно

Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Ж и д ѣ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значить :
Всѣ сундуки Фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ ;
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

А Л Ь Б Е Р Ъ.

Уже ль отецъ меня переживетъ ?

Ж и д ѣ.

Какъ знать ? дни наши сочтены не нами :
Цвѣлъ юноша вѣчоръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

А Л Ь Б Е Р Ъ.

Ты врешь, Еврей ! Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
Начто мнѣ пригодятся ?

Ж и д ѣ.

Деньги ? — Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны ;

Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда-сюда,
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ какъ зѣницу ока.

А ЛЬБЕРЪ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ, и самъ имъ служить,
И какъ же служить? какъ Алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной! Въ нетопленной канурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лагаетъ, —
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

Ж и д ъ.

Да, на Бароновыхъ похоронахъ
Промъется больше денегъ, нежели слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

А ЛЬБЕРЪ.

Amen!

Ж и д ъ.

А можно бѣ....

А ЛЬБЕРЪ.

Что?

Ж и д ъ.

Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть....

А ЛЬБЕРЪ.

Какое средство?

Жидъ.

Такъ —

Есть у меня знакомый старичекъ,
Еврей, Аптекарь бѣдный....

Альбертъ.

Ростовщикъ

Такой же какъ и ты, иль почестнѣе?

Жидъ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной :
Онъ составляетъ капли.... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альбертъ.

А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ.

Въ стаканъ воды подмѣть.... трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно ;
А человѣкъ безъ рѣзы въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альбертъ.

Твой старичекъ торгуетъ ядомъ?

Жидъ.

Да —

И ядомъ.

Альбертъ.

Что жъ, въ займы, на мѣсто денегъ

Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду —
За стклянку по червонцу. Такъ, что ли?

Жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ, я хотѣлъ.... быть можетъ вы.... я думалъ,
Что ужъ Барону время умереть.

Альберъ.

Какъ! отравить отца! И смѣлъ ты сыну....
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!....
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
На воротахъ повѣшу!

Жидъ.

Виновать!

Простите, я шутилъ.

Альберъ.

Иванъ, веревку.

Жидъ.

Я.... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберъ.

Вонъ, песъ!

(Жидъ уходитъ).

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу.... Иванъ, однако жъ деньги
Мнѣ нужны.... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда

Мнѣ принеси чернильницу.... Я плуту
Расписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого.... Иль нѣтъ, постой —
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребреники пращура его....
Я спрашивалъ вина.

ИВАНЪ.

У насъ вина
Ни капли нѣтъ.

АЛЬБЕРЪ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

ИВАНЪ.

Вечеромъ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

АЛЬБЕРЪ.

Да, помню, знаю....
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
У Герцога : пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышъ,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(ПОДВАЛЪ).

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль душой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много кажется, но по немногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что Царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и Царь
Могъ съ вышины, съ весельемъ, озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ — и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ.
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады

Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою ;
И Музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну, — и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же — ничему ;
Я выше всѣхъ желаній ; я спокоенъ ;
Я знаю мощь мою : съ меня довольно
Сего сознанья.... (Смотрить на свое золото.)

Кажется не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель !
Тутъ есть дублопъ старинный.... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась ; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла,
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ ? этотъ мнѣ принеси Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту ?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ....
Да ! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,

Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ.)

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснить
Какое-то невѣдомое чувство....
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ.

(Отпираетъ сундукъ.)

Вотъ мое блаженство!

(Всыпаетъ деньги.)

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ Боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...

Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.

(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки
одинъ за другимъ.)

Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!

Я царствую!... Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ — сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей придворныхъ, жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ —
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоить.
Онъ расточить... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костями, да груды загребаешь?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей бессонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, — совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, — совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Займодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.

О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ !... О, если бъ изъ могилы
Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ !...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(ВО ДВОРЦѢ).

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услышали.

Герцогъ.

Я вѣрю : благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинить
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало....
Спокойны будьте : вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,

Какъ будто колоколомъ. —

(Смотрить въ окно.)

Это кто?

Не онъ ли?

АЛЬБЕРЪ.

Такъ — онъ, Государь.

Герцогъ.

Подите жъ

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

(Альберъ уходитъ , входитъ Баронъ.)

Баронъ!

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

Герцогъ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

Баронъ.

Я, Государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый. — Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ : Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь , а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ....
Предъ вами, то есть....

Герцогъ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

Баронъ.

Старъ, Государь, я нынче : при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды ; вамъ любви
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, крихтя, влѣсть снова на коня ;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герцогъ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно :
Вы дѣду были другомъ ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ ; но сядемъ.
У васъ, Баронъ, есть дѣти?

Баронъ.

Сынъ одинъ.

Герцогъ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

Баронъ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни ;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава —

Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродить,
Какъ молодой олень.

Герцогъ.

Не хорошо

Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье....
Вы хмуритесь — устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

Баронъ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бѣ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы угаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ....

Герцогъ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его, онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это....

ГЕРЦОГЪ.

Но почему жъ ?

БАРОНЪ.

Увольте старика....

ГЕРЦОГЪ.

Я требую : откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

БАРОНЪ.

На сына я

Сердитъ.

ГЕРЦОГЪ.

За что ?

БАРОНЪ.

За злое преступленье.

ГЕРЦОГЪ.

А въ чемъ оно , скажите , состоитъ ?

БАРОНЪ.

Увольте, Герцогъ....

ГЕРЦОГЪ.

Это очень странно !

Или вамъ стыдно за него ?

БАРОНЪ.

Да.... стыдно....

ГЕРЦОГЪ.

Но что же сдѣлалъ онъ ?

★

БАРОНЪ.

Онъ.... онъ меня

Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

БАРОНЪ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня....

ГЕРЦОГЪ.

Что?

БАРОНЪ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату.)

АЛЬБЕРЪ.

Баронъ, вы лжете!

ГЕРЦОГЪ (сыну.)

Какъ смѣли вы?...

БАРОНЪ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...

Ты могъ отцу такое слово молвить!...

Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!...

Мнѣ, мнѣ.... иль ужъ не рыцарь я?...

АЛЬБЕРЪ.

Вы лжецъ!

БАРОНЪ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!

(Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее поднимаетъ.)

АЛЬБЕРЪ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

ГЕРЦОГЪ.

Что видѣлъ я? что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь Герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ! — полно. (Сыну.) Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку эту (отнимаетъ ее).

АЛЬБЕРЪ (а parte.)

Жаль!

ГЕРЦОГЪ.

Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ.

(Альберъ выходитъ.)

Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ?

БАРОНЪ.

Простите, Государь....
Стоять я не могу.... мои колѣна

Слабѣютъ.... душно!... душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

23 октября 1830. Болдино.

;

III.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

(1830.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(КОМНАТА).

САЛЬЕРИ.

Всѣ говорятъ : нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
Токъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству ;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался, слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы ;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ ; упрямо и надменно

Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ
И скученъ первый путь. Преодолю
Я раннія невзгоды. Ремеслю
Поставилъ я подножіемъ искусству ;
Я сдѣлался ремесленникъ : перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость,
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искусенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два—три дня, позабывъ и сонъ, и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!...
Что говорю? Когда великій Глюкъ
Явился и открылъ намъ новы тайны
(Глубокія, плѣнительныя тайны!) —
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
Усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбнулась ; я въ сердцахъ людей

Нашелъ созвучіа своимъ созданьямъ.
Я счастливъ былъ : я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой, также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ, никогда я зависти не зналъ !
О, никогда — ниже, когда Пиччини
Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
Ниже, когда слышалъ въ первый разъ
Я Ифигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно ?
Никто !... А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
Завистникъ ! Я завидую , глубоко,
Мучительно завидую. — О небо !
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго ?... О Моцартъ, Моцартъ !

(Входитъ Моцартъ.)

МОЦАРТЬ.

Ага ! увидѣлъ ты ! А мнѣ хотѣлось
Тебя неожиданой шуткой угостить.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь ! — Давно ль ?

МОЦАРТЪ.

Сейчасъ. Я шелъ къ тебѣ,
Несъ кое-что тебѣ я показать ;
Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
Услышалъ скрипку.... Нѣтъ, мой другъ, Сальери !
Смѣшнѣ отроду ты ничего
Не слыхивалъ !... Слѣпой скрипачъ въ трактирѣ
Разыгрывалъ *voi che sapete*. Чудо !
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди !

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой.)

Изъ Моцарта намъ что нибудь !

(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана;
Моцартъ хохочетъ).

САЛЬЕРИ.

И ты смѣяться можешь ?

МОЦАРТЪ.

Ахъ, Сальери !
Уже ль и самъ ты не смѣешься ?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ,
Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.
Пошѣлъ, старикъ.

МОЦАРТЪ.

Постой же : вотъ тебѣ ,
Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ).

Ты, Сальери,
Не вдухъ нынче. Я прійду къ тебѣ
Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты мнѣ принесъ?

МОЦАРТЪ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ—три мысли.
Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье ; но теперь
Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ !
Когда же мнѣ не до тебя? Садись,
Я слушаю.

МОЦАРТЪ (за фортепіано.)

Представь себѣ.... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе ;
Влюбленного — не слишкомъ, а слегка ;
Съ красоткой, или съ другомъ — хоть съ тобой ;
Я веселъ.... Вдругъ видѣнье гробовое,
Незапный мракъ иль что нибудь такое...
Ну, слушай же.

(Играетъ).

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ
И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпаго! — Боже!
Ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя.

МОЦАРТЪ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!
Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я.

МОЦАРТЪ.

Ба! право? можетъ быть....
Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотаго Льва.

МОЦАРТЪ.

Пожалуй,
Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(Уходитъ).

САЛЬЕРИ.

Жду тебя; смотри жъ.

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобы его

Остановить — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой....
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!
Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осѣмнадцать лѣтъ ношу его съ собою —
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шепотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусь,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлю я,
Какъ жажда смерти мучила меня, —
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь, и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайдень сотворитъ
Великое — и наслажуся имъ....
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ:
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида

Въ меня съ надменной грянетъ высоты —
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ ! и — наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайдень
Меня восторгомъ дивно упоилъ !
Теперь — пора ! Завѣтный даръ любви
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(ОСОБАЯ КОМНАТА ВЪ ТРАКТИРЪ; ФОРТЕПИАНО).

МОЦАРТЪ и САЛБЕРИ за столомъ.

САЛБЕРИ.

Что ты сегодня пасмуренъ ?

МОЦАРТЪ.

Я ? Нѣтъ !

САЛБЕРИ.

Ты, вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроенъ ?
Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЪ.

Признаться,
Мой Requiem меня тревожитъ.

САЛЬЕРИ.

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЪ.

Давно, недѣли три. Но странный случай....
Не сказывалъ тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ.

МОЦАРТЪ.

Такъ слушай :

Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думалъ : кто бы это былъ ?
И что ему во мнѣ ? На завтра тотъ же
Зашелъ, и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня,
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Съѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать — и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ ;
А я и радъ : мнѣ было бѣ жаль разстаться
Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я....

САЛЬЕРИ.

Что ?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ....

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ—третьей
Сидитъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! Что за страхъ ребячій!
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «Слушай, братъ, Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ прійдутъ,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти женитьбу Фигаро.»

МОЦАРТЪ.

Да, Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель:
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ....
Я все твержу сго, когда я счастливъ....
Ла ла ла ла.... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

МОЦАРТЪ.

Онъ же геній
Какъ ты, да я. А геній и змодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?

(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей же.

МОЦАРТЪ.

За твое

Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ).

САЛЬЕРИ.

Постой,

Постой, постой!... Ты выпилъ.... безъ меня?

МОЦАРТЪ (бросаетъ салфетку на
столъ.)

Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано.)

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem.

(Играетъ.)

Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы

Впервые лью : и больно, и пріятно,

Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ ! Другъ, Моцартъ, эти слезы....
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу....

Моцартъ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи ! Но нѣтъ, тогда бъ не могъ
И міръ существовать ; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни —
Всѣ предались бы вольному искусству !
Насъ мало избранныхъ, счастливыхъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ
Не правда ль ? Но я нынче нездоровъ :
Мнѣ что-то тяжело ; пойду, засну.
Прощай же.

Сальери.

До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ ! Но уже ль онъ правъ,
И я не геній ? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда :
И Бонаротти ? Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ
Убійцею создатель Ватикана !

IV.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

LEPORELLO. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!...
Ah, Padroni!...

DON GIOVANI.

(1830.)

СЦЕНА I.

НОЧЬ. КЛАДБИЩЕ БЛИЗЪ МАДРИДА.

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ЛЕПОРЕЛЛО.

Донъ-Жуанъ.

Дождется ночи здѣсь. Уфъ! наконецъ
Достигли мы воротъ Мадрида. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь : узнать меня нельзя?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, Донъ-Жуана мудрено признать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

Донъ-Жуанъ.

Шутишь?

Да кто жъ меня узнаетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый сторожъ,
Гитана, или пьяный музыкантъ,
Иль свой же братъ нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ.

Донъ-Жуанъ.

Что за бѣда, хоть и узнаютъ! Только бъ
Не встрѣтился мнѣ самъ Король, а впрочемъ
Я никого въ Мадридѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завтра же до Короля дойдетъ,
Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадридѣ явился — что тогда, скажите,
Онъ съ вами сдѣлаетъ?

Донъ-Жуанъ.

Пошлетъ назадъ.

Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ:
Вѣдь я не государственный преступникъ!
Меня онъ удалилъ — меня жъ любя, *)

*) Сто Рус. Лит.: «Меня онъ удалилъ въ мою же пользу.»

Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго. *)

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, то-то же!
Сидѣли бѣ вы себѣ спокойно тамъ! ♦

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слуга покорный! Я едва-едва
Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди!
Что за земля! А небо?... точный дымъ;
А женщины? Да я не промѣняю,
Вотъ видишь ли, мой Лепорелло,
Послѣдней въ Андалузiи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ — право.
Онѣ сначала нравились мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью — а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался:
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться.
Въ нихъ жизни нѣтъ — все куклы восковыя....
А наши!... Но послушай, это мѣсто
Знакомо намъ; узналъ ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнать? Антоньевъ Монастырь
Мнѣ памятенъ. Ъзжали вы сюда,
А лошадей держалъ я въ этой рощѣ:

*) Посм. издан.:

«Изъ милости ко мнѣ жъ, меня отсюда
Онъ выславъ. Онъ хотѣлъ меня отъ мщенья
Семьи убитаго спасти.»

Проклятая, признаться, должность ! Вы
Пріятнѣ здѣсь время проводили
Чѣмъ я, повѣрьте.

Донъ-Жуанъ (задумчиво.)

Бѣдная Инеза !

Ее ужъ нѣтъ ! Какъ я любилъ ее !

Лепорелло.

Инезу — черноглазую.... о, помню !
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней, насилу-то помогъ лукавый.

Донъ-Жуанъ.

Въ Іюлѣ.... ночью. Чудную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно — мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ.... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ ! А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной....
А мужъ ея былъ негодяй суровый —
Узналъ я поздно.... Бѣдная Инеза !...

Лепорелло.

Что жъ ? Вслѣдъ за ней другія были

Донъ-Жуанъ.

Правда.

Лепорелло.

А живы будемъ, будутъ и другія.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь которую въ Мадридѣ
Отыскивать мы будемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!

Я прямо къ ней бѣгу явиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто-нибудь
Ужъ у нее — прошу въ окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго насъ покойницы тревожатъ.
Кто къ намъ идетъ?

(Входитъ монахъ.)

МОНАХЪ.

Сейчасъ она пріѣдетъ
Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны-Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна пріѣхать Дона-Анна
На мужнину гробницу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна
Де Сольва? Какъ? Супруга Командора,
Убитаго.... не помню кѣмъ.

МОНАХЪ.

Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ-Жуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? Ни мало.

А гдѣ-то онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.

Онъ въ ссылкѣ, далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу!

Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что что ты врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчите : я нарочно....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили Командора?

МОНАХЪ.

Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла,
И прѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за странная вдова!

Не даромъ же покойникъ былъ ревнивъ ;
Онъ Дону-Анну въ заперти держалъ :
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И не дурна?

МОНАХЪ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны ;
Но гдѣ грѣшно : не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

МОНАХЪ.

О, Дона-Анна никогда съ мужчиной
Не говоритъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А съ вами, мой отецъ ?

МОНАХЪ.

Со мной иное дѣло — я монахъ.
Да вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна.)

ДОНА-АННА.

Отецъ мой, отоприте.

МОНАХЪ.

Сейчасъ, сеньора ; я васъ ожидалъ.

(Дона-Анна идетъ за монахомъ.)

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ея совсѣмъ не видно
Подъ этимъ вдовимъ чернымъ покрываломъ ;
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное ;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы ни начать —
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слушай, Лепорелло,
Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО (просебя.)

Вотъ еще !

Куда какъ нужно ! Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
Безсовѣстный !

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако ужъ и смерклось.

Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тмы не обратила,
Войдемъ въ Мадридъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Испанскій грандъ, какъ воръ
Ждетъ ночи — и луны боится, Боже !
Проклятое житье ! Да долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться ! Право силъ ужъ нѣтъ !

СЦЕНА II.

КОМНАТА, УЖИНЪ У ЛАУРЫ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла !
Какъ роль свою ты вѣрно поняла !

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее ! съ какою силой !

★

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ !

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось

Сегодня каждое движеніе, слово.

Я вольно предавалась вдохновенію.

Слова лились, какъ будто ихъ рождала

Не память робкая, но сердце....

ПЕРВЫЙ.

Правда.

Да и теперь глаза твои блещутъ

И щеки разгорѣлись — не проходитъ

Въ тебѣ восторгъ. Лаура, не давай

Остыть ему бесплодно : спой, Лаура,

Спой что-нибудь !

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару.

(Поетъ.)

Всѣ.

О, bravo ! bravo ! чудно ! неподобно !

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница ! Ты сердце

Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни

Одной любви музыка уступаетъ ;

Но и любовь мелодія.... Взгляни :

Самъ Карлосъ тронуть, твой угрюмый гость !

ВТОРОЙ.

Какіе звуки ! сколько въ нихъ души !

А чьи слова, Лаура ?

ЛАУРА.

Донъ-Жуана.

Донъ-Карлосъ.

Что? Донъ-Жуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то

Мой вѣрный другъ, мой вѣтранный любовникъ.

Донъ-Карлосъ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбожникъ и мерзавецъ ;
А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ !

Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моимъ слугамъ, хоть ты Испанскій грандъ.

Донъ-Карлосъ (встаетъ.)

Зови же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, перестань!

Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла....

ЛАУРА.

Что?... Что Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда, жаль,
Что не его.

Донъ-Карлосъ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ —
Такъ помиримся.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Виноватъ, Лаура!
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно....

ЛАУРА.

А виновата-ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

ГОСТЬ.

Ну. въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ не сердита,
Лаура, спой еще!

ЛАУРА.

Да, на прощанье.
Пора — ужъ ночь. Но что же я спою?
А! слушайте.

(Поетъ.)

ВСѢ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайте жъ, господа.

ГОСТИ.

Прощай, Лаура.

(Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса.)

ЛАУРА.

Ты, бѣшенный, останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбрали меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Счастливецъ!

Такъ ты его любила?

(Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ.)

Очень?

ЛАУРА.

Очень.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту?

Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,
Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

Осмынадцать лѣтъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ты молода.... и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя

Еще лѣтъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда.... Зачѣмъ
Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Прійди — открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной,
И сторожа кричатъ протяжно, ясно!...
А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ —
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
Ну! то-то жъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Милый демонъ!

(Стучать.)

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гей, Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Отопри....

ЛАУРА.

Уже ли!... Боже!...

(Отпираетъ двери, входитъ Донъ-Жуанъ.)

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здравствуй....

ЛАУРА.

Донъ-Жуанъ!...

(Лаура кидается ему на шею.)

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ-Жуанъ!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, милый другъ!...

(Цѣлуетъ ее.)

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я, —

Донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ нечаянная встрѣча!

Я завтра весь къ твоимъ услугамъ....

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

НѢТЬ!

Теперь — сейчасъ.

ЛАУРА.

Донъ-Карлосъ, перестаньте!

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выйти вонъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ (ее не слушая.)

Я жду, Ну, что жъ?

Вѣдь ты при шпагѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели тебѣ

Не терпится, изволь.

(Бьются.)

ЛАУРА.

Ай, ай! Жуанъ!...

(Кидается на постель, Донъ-Карлосъ падаетъ.)

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что тамъ?

Убить? Прекрасно! въ комнатѣ моей!

Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?

Куда я выброшу его?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Быть можетъ,

Онъ живъ еще.

(Осматриваетъ тѣло.)

ЛАУРА.

Да, живъ! Гляди, проклятый!
Ты прямо въ сердце ткнулъ — небось, не мимо.
И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,
А ужъ не дышитъ — каково?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что дѣлать?

Онъ самъ того хотѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,
Досадно, право. Вѣчныя проказы!...
А все не виновать.... Откуда ты?
Давно ли здѣсь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я только-что пріѣхалъ
И то тихонько — я вѣдь не прощенъ.

ЛАУРА.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городомъ, въ проклятой вентѣ. Я Лауры
Пришелъ искать въ Мадридѣ.

(Цѣлуетъ ее.)

ЛАУРА.

Другъ ты мой!...

Постой.... при мертвомъ!... Что намъ дѣлать съ нимъ?

Донъ-Жуанъ.

Оставь его — передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подъ епанчею
И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только

Смотри, чтобъ не увидѣли тебя.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! У меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только
Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ засталъ!

Донъ-Жуанъ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты бредишь.

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ. А сколько разъ,
Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнить
Въ моемъ отсутствіи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

- Донъ-Жуанъ.

Скажи жъ.... Нѣтъ, послѣ переговоримъ!...

СЦЕНА III.

ПАМЯТНИКЪ КОМАНДОРА.

Донъ-Жуанъ.

Все къ лучшему : нечаянно убивъ
Донъ-Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ, но сегодня
Пушуся въ разговоры съ ней ; пора !
Съ чего начну ? «Осмѣлюсь».... или нѣтъ :
«Сеньора».... ба ! что въ голову прійдетъ,
То и скажу, безъ предуготовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни....
Пора бѣ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея,
Я думаю, скучаетъ Командоръ.
Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ !
Какія плечи ! что за Геркулесъ !...
А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедушенъ ;
Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ бы руку
До своего онъ носу дотянуть.
Когда за Эскурьяломъ мы сошлись,
Наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
Какъ на булавкѣ стрекоза : а былъ
Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый....
А ! вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна.)

ДОНА-АННА.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
Простите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я просить прощенья долженъ
У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, мой отецъ : печаль моя во мнѣ.
При васъ мое моленье можетъ къ небу
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ свой голосъ съ нимъ соединить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Дона-Анна !
Я не достоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять ;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы кудри черные на мраморъ блѣдный
Разсыплете — и мнится мнѣ, что таино
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю : счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

Д О Н А — А Н Н А .

Какія рѣчи странныя !

Д О Н Ъ — Ж У А Н Ъ .

Сеньора?

Д О Н А — А Н Н А .

Мнѣ.... вы забыли....

Д О Н Ъ — Ж У А Н Ъ .

Что ? что недостойный
Отшельникъ я ? что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться ?

Д О Н А — А Н Н А .

Мнѣ показалось.... Я не поняла....

Д О Н Ъ — Ж У А Н Ъ .

Ахъ, вижу я : вы все, вы все узнали !

Д О Н А — А Н Н А .

Что узнала ?

Д О Н Ъ — Ж У А Н Ъ .

Такъ, я не монахъ....

У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

Д О Н А — А Н Н А .

О, Боже ! встаньте, встаньте !... Кто же вы ?

Д О Н Ъ — Ж У А Н Ъ .

Несчастный, жертва страсти безнадежной !

Дона-Анна.

О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ!
Подите прочь!...

Донъ-Жуанъ.

Минуту, Дона-Анна!

Одну минуту!

Дона-Анна.

Если кто взойдетъ!...

Донъ-Жуанъ.

Рѣшетка заперта. Одну минуту!

Дона-Анна.

Ну, что? чего вы требуете?

Донъ-Жуанъ.

Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,
Не подлѣ праха, милаго для васъ,
Не тутъ — не близко — далѣ гдѣ-нибудь,
Тамъ — у дверей — у самого порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Пройдете кудри наклонять и плакать.

Дона-Анна.

Вы не въ своемъ умѣ.

Донъ-Жуанъ.

Или жемать

Кончины, Дона-Анна, знакъ безумства?

Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Сталъ провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ бы я скрываться — я, напротивъ,
Старался бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи....

ДОНА-АННА.

Такъ это вы....

Молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Случай, Дона-Анна, случай
Увлекъ меня! Не то, вы бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали....

ДОНА-АННА.

И любите давно ужъ вы меня?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значитъ слово счастье.

ДОНА-АННА.

Подите прочь — вы человекъ опасный.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Опасный! чѣмъ?

ДОНА-АННА.

Я слушать васъ боюсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я замолчу ; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

ДОНА-АННА.

Подите — здѣсь не мѣсто
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ.... Завтра
Ко мнѣ прійдите ; если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое жъ уваженъе,
Я васъ приму — но вечеромъ позднѣе....
Я никого не вижу съ той поры
Какъ овдовѣла....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ангель, Дона-Анна !

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца !

ДОНА-АННА.

Подите прочь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще одну минуту.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, видно мнѣ уйти.... Къ тому жъ моленъе
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими ; отъ нихъ ужъ ухо

Мое давно, давно отвыкло. — Завтра
Я васъ приму....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю счастью моему предаться!...
Я завтра васъ увижу!... И не здѣсь,
И не украдкою!

ДОНА-АННА.

Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Діего де Кальвидо.

ДОНА-АННА.

Прощайте, Донъ-Діего.

(Уходитъ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

(Лепорелло входитъ.)

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что вамъ угодно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милый Лепорелло!

Я счастливъ! — «Завтра — вечеромъ позднѣе»....

Мой Лепорелло, завтра!... приготовь...

Я счастливъ какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Доной-Анной

Вы говорили? можетъ быть, она

Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужто?

О, вдовы! всѣ вы таковы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я счастливъ!

Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!

ЛЕПОРЕЛЛО.

А Командоръ? что скажетъ онъ объ этомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать.
Ужъ вѣрно нѣтъ: онъ человѣкъ разумный,
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, посмотрите на его статую.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что жъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ, не ко мнѣ — а къ Донѣ-Аннѣ, завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ужъ вѣрно

Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Прийти попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота вамъ

Шутить, и съ кѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно просить

Пожаловать.... Ей-Богу, не могу :
Мнѣ страшно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ ! вотъ я тебя !...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте.

Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Прійти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери....

(Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія.)

Ай !

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что тамъ ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай !...

Ай, ай !... умру !

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что сдѣлалось съ тобою ?

ЛЕПОРЕЛЛО (кивая головой.)

Статуя.... ай !...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты кланяешься !

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ,

Не я — она !

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какой ты вздоръ несешь ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Подите сами.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, смотри жъ, бездѣльникъ !

(Статуѣ.) Я, Командоръ, прошу тебя прійти

Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,

И стать у двери на часахъ. Что, будешь ?

(Статуя киваетъ опять.) О Боже !

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что ? я говорилъ....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Уйдемъ.

СЦЕНА IV.

(КОМНАТА ДОНЫ-АННЫ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ДОНА-АННА.

ДОНА-АННА.

Я приняла васъ, Донъ-Діего — только

Боюсь, моя печальная бесѣда

Скучна вамъ будетъ. Бѣдная вдова,

Все помню я свою потерю : слезы

Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.

Что жъ вы молчите ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Наслаждаюсь молча,

Глубоко — мыслью быть наединѣ
Съ прелестной Доной-Анной, здѣсь — не тамъ,
Не при гробницѣ мертвого счастливецъ —
И вижу васъ уже не на колѣнахъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

Д о н а - А н н а .

Донъ-Діего,
Такъ вы ревнивы! Мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучитъ.

Д о н ъ - Ж у а н ъ .

Я не долженъ ревновать :
Онъ вами выбранъ былъ.

Д о н а - А н н а .

Нѣтъ, мать моя
Велѣла мнѣ дать руку Донъ-Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ.

Д о н ъ - Ж у а н ъ .

Счастливецъ ! Онъ сокровища пустяя
Принесъ къ ногамъ богини : вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство ! Если бъ
Я прежде васъ узналъ — съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,
Все, за единый благосклонный взглядъ !
Я былъ бы рабъ священной вашей воли !
Всѣ ваши прихоти я бъ изучалъ,
Чтобъ ихъ предупредить, чтобъ ваша жизнь
Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ !
Увы, судьба судила мнѣ иное !

ДОННА-АННА.

Діего, перестаньте! Я грѣшу
Васъ слушаю — мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна.
Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда бъ онъ овдовѣлъ; онъ былъ бы вѣренъ
Супружеской любви.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Донна-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

ДОННА-АННА.

Чѣмъ же?

Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ небомъ правы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Предъ вами! Боже!

ДОННА-АННА.

Развѣ вы виновны
Передо мной? скажите, въ чемъ же?... ну!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, никогда —

Т. II.

ДОНА-АННА.

Діего, что такое?

Вы предо мной неправы? въ чемъ, скажите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, ни за что!

ДОНА-АННА.

Діего, это странно!

Я васъ прошу, я требую....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ДОНА-АННА.

А! такъ-то вы моей послушны волѣ!

А что сейчасъ вы говорили мнѣ?

Что вы бѣ рабомъ моимъ желали быть.

Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,

Въ чемъ предо мной виновны вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не смѣю:

Вы ненавидѣть станете меня.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать хочу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не желайте знать
Ужасную, убійственную тайну.

ДОНА-АННА.

Ужасную!... Вы мучите меня:

Я страхъ какъ любопытна — что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить,
Я васъ не знала. У меня враговъ
И нѣтъ и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

Донъ-Жуанъ (просебя.)

Идетъ къ развязкѣ дѣло!
Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ
Вамъ незнакомъ?

Дона-Анна.

Нѣтъ, отъ роду его
Я не видала.

Донъ-Жуанъ.

Вы въ душѣ къ нему
Питаєте вражду?

Дона-Анна.

По долгу чести.
Но вы отвlechъ стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Діего —
Я требую....

Донъ-Жуанъ.

Что, если бъ Донъ-Жуана
Вы встрѣтили?

Дона-Анна.

Тогда бы я злодѣю
Кинжалъ вонзила въ сердце.

Донъ-Жуанъ.

Дона-Анна,
Гдѣ твой кинжалъ? — вотъ грудь моя.

ДОНА-АННА.

Діего!

Что вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не Діего — я Жуанъ.

ДОНА-АННА.

О Боже! Нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ.

ДОНА-АННА.

Не правда.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я убилъ

Супруга твоего, и не жалѣю

О томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

ДОНА-АННА.

Что слышу я? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю.

ДОНА-АННА (падая.)

Гдѣ я?... гдѣ я?... мнѣ дурно, дурно!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Небо!

Что съ нею? Что съ тобою, Дона-Анна?

Проснись, опомнись : твой Діего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ !

ДОНА-АННА.

Оставь меня.

(Слабо.) Ты, ты мнѣ врагъ — ты отнялъ у меня
Все, все что въ жизни....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милое созданье !

Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить;
У ногъ твоихъ жду только приказанья :
Вели — умру; вели дышать — я буду
Лишь для тебя....

ДОНА-АННА.

Такъ это Донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не правда ли, онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ ?

О Дона-Анна!

Молва, быть можетъ, не совсѣмъ не права ;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣтъ; но съ тѣхъ поръ
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось :
Мнѣ кажется, я весь переродился !
Васъ люблю, люблю я добродѣтель —
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ краснорѣчивъ — я знаю !

Слыхала я : онъ хитрый человѣкъ....
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,
Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

Донъ-Жуанъ.

Ни одной донинѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

Дона-Анна.

И я повѣрю,
Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

Донъ-Жуанъ.

Когда бъ я васъ обманывалъ,
Признался ль я, сказалъ бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

Дона-Анна.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли прійти
Сюда вы, здѣсь узнать могли бы васъ —
И ваша смерть быма бы неизбежна.

Донъ-Жуанъ.

Что значитъ смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ я жизньъ.

Дона-Анна.

Но какъ же
Отсюда выйти вамъ, неосторожный?

ДОНЪ-ЖУАНЪ (цѣлуя ей руки.)

И вы о жизни бѣднаго Жуана
Заботитесь ! Такъ ненависти нѣтъ
Въ душѣ твоей небесной, Дона-Анна?

ДОНА-АННА.

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть !
Однако жъ надобно разстаться намъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда жъ опять увидимся ?

ДОНА-АННА.

Не знаю,

Когда-нибудь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А завтра ?

ДОНА-АННА.

Гдѣ же ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здѣсь.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба !

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй....

ДОНА-АННА.

Поди, пора.

Донъ-Жуанъ.

Одинъ, холодный, мирный....

Дона-Анна.

Какой ты неотвязчивый! на, вотъ онъ....

(Стучать.)

Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ-Жуанъ!

Донъ-Жуанъ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.

(Уходитъ и вбѣгаетъ опять.)

А!...

Дона-Анна.

Что съ тобой? А!...

(Входитъ статуя Командора, Дона-Анна падаетъ.)

Статуя.

Я на зовъ явился.

Донъ-Жуанъ.

О, Боже! Дона-Анна!

Статуя.

Брось ее,

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?

Донъ-Жуанъ.

Я? нѣтъ!... Я звалъ тебя и радъ, что вижу.

Статуя.

Дай руку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ она.... О, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!...
Я гибну — кончено — о, Дона-Анна!...

(Проваливаются.)

V.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(1830.)

УЛИЦА. НАКРЫТЫЙ СТОЛЪ. НѢСКОЛЬКО ПИРУЮЩИХЪ
МУЖЧИНЪ И ЖЕНЩИНЪ.

Молодой человекъ.

Почтенный председатель! Я напомнимъ
О человекѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столь ѣдки въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостя наша, насымаетъ
На самые блестящіе умы.
Тому два дня, нашъ общій хохотъ славиль
Его рассказы; не возможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи

Забыли Джаксона ! Его здѣсь кресла
Стоять пустая, будто ожидая
Весельчака ; но онъ ушелъ уже
Въ холодныя, подземныя жилища....
Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
Не умолкалъ еще во прахѣ гроба ;
Но много насъ еще живыхъ, и намъ
Причины нѣтъ печалиться. И такъ
Я предлагаю выпить въ его память
Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
Какъ будто бѣ былъ онъ живъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Онъ выбылъ первый
Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
Мы выпьемъ въ честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да будетъ такъ !

(Всѣ пьютъ молча.)

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ :
Спой, Мери, намъ, уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

МЕРИ (поетъ.)

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона :

Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна ;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.

Нынѣ церковь опустѣла ;
Школа глухо заперта ;
Нива праздно перезрѣла ;
Роща темная пуста ;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ ;
Тихо все — одно кладбище
Не пустѣетъ, не молчитъ.

Поминутно мертвыхъ носятъ,
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ !
Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой.

Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ —
Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь отрада мнѣ, —
Я молю : не приближайся
Къ тѣлу Дженни ты своей ;

Усть умершихъ не касайся :
Слѣдуй издали за ней.

И потомъ оставь селенье!
Уходи куда нибудь,
Гдѣ бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть!
И когда зараза минетъ,
Посѣти мой бѣдный прахъ ;
А Эдмонда не покинетъ
Дженни даже въ небесахъ !

ПРЕДСѢДТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
Благодаримъ за жалобную пѣсню !
Въ дни прежніе чума такая жъ, видно,
Холмы и доли ваши посѣтила,
И раздавались жалкія стенанья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной ;
И мрачный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
Унылой и пріятной.... Нѣтъ, ни что
Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ !

МЕРИ.

О, если бъ никогда я не пѣвала
Внѣ хижины родителей своихъ !

Они свою любили слушать Мери ;
 Самой себѣ я, кажется, внимаю,
 Поющей у родимаго порога.
 Мой голосъ слаще былъ въ то время : онъ
 Былъ голосомъ невинности....

Л у и з а .

Не въ модѣ

Теперь такія пѣсни ! Но все жъ есть
 Еще простыя души : рады таять
 Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
 Она увѣрена, что взоръ слезливый
 Ея неотразимъ ; а если бъ тоже
 О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
 Все бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
 Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ : вотъ
 Она и разстоналась. Ненавижу
 Волосъ Шотландскихъ этихъ желтизну.

П р е д с ѣ д а т е л ь .

Послушайте : я слышу стукъ колесъ !

(Бѣдетъ телѣга, наполненная мертвыми тѣ-
 лами. Пегръ управляетъ ею).

Ага ! Луизѣ дурно ; въ пей, я думалъ,
 По языку судя, мужское сердце.
 Но такъ-то : пѣжнаго слабѣй жестокой,
 И страхъ живетъ въ душѣ, страстями томимой !
 Брось, Мери, ей воды въ лице. Ей лучше.

М е р и .

Сестра моей печали и позора,
 Прилягъ на грудь мою.

Л у и з а (приходя въ чувство.)

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ : весь черный, бѣлоглазый....

Онъ звалъ меня въ свою телѣжку. Въ ней

Лежали мертвые — и лепетали

Ужасную, невѣдомую рѣчь....

Скажите мнѣ : во снѣ ли это было ?

Проѣхала ль телѣга ?

М о л о д о й ч е л о в ѣ к ѣ .

Ну, Луиза,

Развеселись ! Хоть улица вся наша —

Безмолвное убѣжище отъ смерти,

Пріютъ пировъ ничѣмъ невозмутимыхъ,

Но знаешь, эта черная телѣга

Имѣетъ право всюду разѣзжать —

Мы пропускать ее должны ! Послушай,

Ты, Вальсингамъ : для пресѣченья споровъ

И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой

Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню,

Не грустію Шотландской вдохновенну,

А буйную, вакхическую пѣснь,

Рожденную за чашею кипящей !

П р е д с ѣ д а т е л ь .

Такой не знаю ; но спою вамъ гимнъ

Я въ честь чумы : я написалъ его

Прошедшей ночью, какъ разстались мы.

Мнѣ странная нашла охота къ рифмамъ

Впервые въ жизни ! Слушайте жъ меня :

Охрипый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

Многіе.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! **bravo! bravo!**

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ. (поетъ.)

Когда могущая зима,
Какъ добрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматая дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей трещать камины.
И весель зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама,
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучить могильною лопатой....
Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы —
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы!

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тмы.

И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъясны наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы тма,
Насъ не смутитъ твое призванье!
Бокалы пѣнимъ дружно мы,
И Дѣвы-Розы пьемъ дыханье —
Быть можетъ — полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

Священникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину гробовъ — и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы,
Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы

Погибшій духъ безбожника терзаютъ
И въ тму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ.

Онъ мастерски объ адѣ говоритъ ;
Ступай, старикъ ! ступай своей дорогой !

Священникъ.

Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ :
Прервите пиръ чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныя души.
Ступайте по своимъ домамъ !

Предсѣдатель.

Домѣ

У насъ печальны : юность любить радость.

Священникъ.

Ты ль это, Вальсингамъ ? ты ль самый тотъ,
Кто три тому недѣли, на колѣняхъ,
Трупъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой ?
Иль думаешь : она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующаго сына
Въ пиру разврата ; слыша голосъ твой ;
Поющій бѣшенныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій ?
Ступай за мной !

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой итти: я здѣсь удержанъ
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего,
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
И новостью сихъ бѣшенныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками (прости меня, Господь!)
Погибшаго, но милаго созданья....
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отсель; поздно слышу голосъ твой,
Меня зовущій; признаю усилія
Меня спасти.... Старикъ! иди же съ миромъ;
Но проклять будь, кто за тобой пойдетъ!

МНОГІЕ.

Bravo, bravo, достойный предсѣдатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (встаетъ.)

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увядавшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бѣ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то

Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ....
Гдѣ я?... Святое чадо свѣта ! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не достигнетъ уже....

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Онъ сумасшедшій :
Онъ бредитъ о женѣ похороненной !

СВЯЩЕННИКЪ.

Пойдемъ, пойдемъ....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня !

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь !
Прости, мой сынъ.

(Уходитъ. Пиръ продолжается. Предсѣда-
тель остается, погруженный въ глубокую
задумчивость).

VI.
РУСАЛКА.

(1832.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА. — МЕЛЬНИЦА.

МЕЛЬНИКЪ и ДОЧЬ ЕГО.

М Е Л Ь Н И К Ъ .

Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодья,
Всѣ глупы вы ! Ужъ если подвернулся
Къ вамъ челоѣкъ завидный, непростой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить,
А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
Заманивать то строгостью, то лаской ;
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще

Беречь свою дѣвическую честь —
Безцѣнное сокровище ; она —
Что слово — разъ упустишь, не воротишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То все-таки, по крайней мѣрѣ, можно
Какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ да выгадать ; подумать надо :
« Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
И баловать меня. » Да нѣтъ ! куда
Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ ! Кстати ль ?
Вы тотчасъ одурѣете : вы рады
Исполнить даромъ прихоти его,
Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
У милаго дружка ; а милый другъ
Глядь — и пропадѣ, и слѣдъ простымъ ; а вы
Остались ни съ чѣмъ.... Охъ, всѣ вы глупы !
Не говорилъ ли я тебѣ сто разъ :
Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
Не прозѣвай ты счастья своего,
Не упускай ты Князя, да спроста
Не погуби самой себя. Что жъ вышло ?
Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
Чего ужъ не воротишь.

Дочь.

Почему же
Ты думаешь, что бросилъ онъ меня ?

Мельникъ.

Какъ почему ? Да сколько разъ, бывало,
Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ ?
А?... всякій Божій день, а иногда
И дважды въ день, а тамъ все рѣже, рѣже

Сталъ прїѣзжать — и вотъ девятый день,
Какъ не видали мы его. Что скажешь?

Д о ч ь.

Онъ занятъ ; мало ль у него заботы?
Вѣдь онъ не мельникъ : за него не станетъ
Вода работать ! Часто онъ твердитъ,
Что всѣхъ трудовъ его труды тяжелѣ.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему ! Когда Князья трудятся?
И что ихъ трудъ ? Травить лисицъ и зайцевъ,
Да пировать, да обирать сосѣдей,
Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дуръ.
Онъ самъ работаетъ — куда какъ жалко !
А за меня вода !... А мнѣ покою
Ни днемъ, ни ночью нѣтъ ; а тамъ посмотришь :
То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
Гдѣ гниль, гдѣ течь. Вотъ если бъ ты у Князя
Умѣла выпросить на перестройку
Хоть нѣсколько деньжонокъ, было бъ лучше.

Д о ч ь.

Ахъ !

Мельникъ.

Что такое?

Д о ч ь.

Чу ! Я слышу топотъ
Его коня.... Онъ ! онъ !

Мельникъ.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни....

Д о ч ь.

Вотъ онъ, вотъ онъ !

(Входитъ князь. Конюшій уводитъ его коня.)

К н я з ь.

Здорово, милый другъ !

Здорово, мельникъ.

М е л ь н и к ъ.

Милостивый Князь,
Добро пожаловать ! Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье.

(Уходитъ).

Д о ч ь.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ !
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ ?
Чего мнѣ въ голову не приходило ?
Какимъ себя я страхомъ не пугала ?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть ; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ ;
Что боленъ ты ; что разлюбилъ меня....
Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ
И любишь все по прежнему меня,
Не правда ли ?

К н я з ь.

По прежнему, мой ангелъ,
Нѣтъ, больше прежняго.

Она.

Однако ты
Печалень; что съ тобою?

Князь.

Я печалень?
Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ
Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она.

Нѣтъ,
Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Спѣшишь и кличешь : гдѣ моя голубка ?
Что дѣлаетъ она? А тамъ цѣлуешь
И вопрошаешь : рада ль я тебѣ
И ожидала ли тебя такъ рано?...
А нынче — слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
Ты чѣмъ-нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
Ужъ не сердить ли на меня?

Князь.

Я не хочу притворствовать напрасно,
Ты права : въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую; и ты ее не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

Она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.

т. III.

Позволишь — буду плакать, не позволишь —
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

Князь.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго : ни знатный родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.
И мы — не правда ли, моя голубка? —
Мы были счастливы! По крайней мѣрѣ
Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью ;
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣ бъ ни былъ я, всегда я буду помнить
Тебя, мой другъ ; того, что я теряю,
Ни что на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ !

Она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
Готовитъ намъ невѣдомое горе —
Разлуку, можетъ быть....

Князь.

Ты угадала :
Разлука намъ судьбою суждена.

Она.

Кто насъ разлучитъ? Развѣ за тобою
Идти во слѣдъ я всюду невластна?
Я мальчигомъ одѣнусь ; вѣрно буду
Тебѣ служить дорогою, въ походѣ

Иль на войнѣ; войны я не боюсь,
Лишь видѣла бѣ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю!
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь....

Князь.

Нѣтъ, шутки мнѣ на умъ нейдутъ сегодня,
Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ;
Не снаряжаюсь я ни въ дальнѣйшій путь,
Ни на войну; я дома остаюсь,
Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься.

Она.

Постой, теперь я понимаю все:
Ты женишься? (Князь молчитъ). Ты женишься?

Князь.

Что дѣлать

Сама ты разсуди. Князя не вольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой....
Твою печаль утѣшитъ Богъ и время!
Не забывай меня! Возьми на память
Поязку — дай тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье —
Возьми его. Да вотъ еще: отцу
Я это посулимъ — отдай ему.

(Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ.)

Прощай!

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я —
Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя

Я все готова.... Нѣтъ не то.... Постой....

Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,

Меня ты могъ покинуть.... Все не то....

Да, вспомнила : сегодня у меня

Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Князь.

Несчастная ! Какъ быть ? Хоть для него

Побереги себя ! Я не оставлю

Ни твоего ребенка, ни тебя.

Со временемъ, быть можетъ, самъ пріѣду

Васъ навѣстить. Утѣшься, не крушился.

Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.

Уходя.) Ухъ, кончено ! Душѣ какъ будто легче.

Я бурю ждалъ, но дѣло обошлось

Довольно тихо.

(Уходитъ. Она остается неподвижною).

Мельникъ (входитъ.)

Не угодно ль будетъ

Пожаловать на мель.... Да гдѣ же онъ ?

Скажи, гдѣ Князь нашъ ? Ба, ба, ба ! Какая

Повязка ! Вся въ камняхъ дорогихъ !

Такъ и горитъ ! И бусы !... Ну, скажу,

Подарокъ царскій. Ахъ, онъ благодѣтель !...

А это что ? мѣшечекъ ! Ужъ не деньги ль ?...

Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости неожиданой одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашелъ?

Д о ч ь.

Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила....
Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
Косматое?

М е л ь н и к ъ.

О комъ ты говоришь?

Д о ч ь.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?

М е л ь н и к ъ.

Что съ тобою?

Д о ч ь.

Родимый, онъ уѣхалъ! Вотъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за помы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

М е л ь н и к ъ.

Что съ нею?

Д о ч ь.

Видишь ли — Князя не вольны
Какъ дѣвицы : не по сердцу они
Берутъ жену себѣ.... А вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить : «тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый!»
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься,
И до зари за мельницей сидѣть !
Имъ любо сердце Княжеское тѣшить
Бѣдами нашими ! А тамъ прощай :
Ступай, голубушка, куда захочешь ;
Люби, кого замыслишь !...

М е л ь н и к ъ.

Вотъ въ чемъ дѣло !...

Д о ч ь.

Да кто же, кто невѣста ? На кого
Онъ промѣнялъ меня ? О, я узнаю !
Я доберусь ; я ей скажу, злодѣйкѣ :
Отстань отъ насъ ! ты видишь : двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ....

М е л ь н и к ъ.

Дура !

Ужъ если Князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему ? Вотъ то-то !
Не говорилъ ли я тебѣ....

Д о ч ь.

И могъ онъ,
Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться,
И мнѣ давать подарки ! Каково ?
И деньги ! Выкупить себя онъ думалъ !
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить,
Чтобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены !...
Да, бишь, забыла я : тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель !

(Отдаетъ ему мѣшокъ.)

М е л ь н и к ъ (въ слезахъ).

До чего я дожилъ !
Что Богъ привелъ, услышать ! Грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца роднаго.
Одно дитѣ ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей :
Какъ было мнѣ тебя не баловать ?
Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ.

Д о ч ь.

Охъ, душно !

Холодная змѣя мнѣ шею давить....
Змѣею подколодной отъ меня —
Не жемчугомъ опуталъ... (Рветъ съ себя жемчугъ.)

Такъ бы я
Разорвала тебя, змѣю-злѣйку,
Проклятую разлучницу мою !

Мельникъ.

Ты бредишь, право бредишь.

Дочь (снимаетъ съ себя повязку.)

Вотъ вѣнецъ мой,
Вѣнецъ позорный ! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Ото всего, чѣмъ прежде дорожила !
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ !
(Бросаетъ повязку въ Днѣпръ.)
Теперь все кончено !...
(бросается въ рѣку).

Старикъ (падая.)

Охъ, горе, горе !

27 апрѣля 1832 года.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

СВАДЬБА, МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ. ГОСТИ. ХОРЪ
ДѢВУШЕКЪ.

Св а т ь .

Веселую мы свадебку сыграли. /
Ну, здравствуй, Князь съ Княгинею молодой !

Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али всѣ пѣсеньки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Хоръ.

Сватушка, сватушка,
Безтолковый сватушка!
По невѣсту ѣхали —
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Вереѣ молилися:
Верея ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся:
Въ мошинѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

С в а т ѣ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на, возьмите, не корите свата.

(Дарить дѣвушкамъ).

Одинъ голосъ.

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;

Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы.
А слыхала ль ты, рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечеръ у насъ красна дѣвица утопилась,
Утопая, милова друга проклинала?

С в а т ь.

Красавицы! да это что за пѣсня?
Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню, а?

Д ѣ в у ш к и.

Не я,

Не я, не мы....

С в а т ь.

Да кто же пропѣлъ ее?

(Шепотъ и смятеніе между дѣвушками).

К н я з ь.

Я знаю кто.

(Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему.)

Вѣдь мельничиха здѣсь :

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,
Кто смѣлъ ее впустить?

(Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ).

К н я з ь (просебя).

Она, пожалуй,
Готова здѣсь надѣмать столько шуму,

Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться!

К о н ю ш и й.

Я не нашелъ ее.

К н я з ь.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
Пропѣла эту пѣсню.

Г о с т ь.

Ай—да медь!

И въ голову и въ ноги такъ и бьетъ.

Жаль, горекъ : подсластить его бѣ не худо....

(Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый
крикъ).

К н я з ь.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

К о н ю ш и й.

Я не нашелъ ее нигдѣ.

К н я з ь.

Дуракъ.

Д р у ж к о (вставая.)

Не время ль намъ Княгиню выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣлемъ?

(Всѣ встаютъ).

С в а х а.

Вѣстимо, время. Дайте жъ пѣтуха.

(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ
осыпаютъ хмѣлемъ и ведутъ въ спальню).

С В А Х А.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружка).

Д Р У Ж К О.

Гдѣ чарочка? Всю ночь
Подъ окнами я буду разъѣзжать,
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ не худо.

С В А Х А. (наливаетъ ему чарку.)

На, кушай, на здоровье.

Д Р У Ж К О.

Ухъ, спасибо!

Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда?

С В А Х А.

Да, слава Богу,
Все хорошо : одно нехорошо....

Д Р У Ж К О.

А что?

С В А Х А.

Да не къ добру пропѣли пѣсню
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

Д Р У Ж К О.

Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ
Не попоказить. Статочно ли дѣло
Мутить нарочно Княжескую свадьбу!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

СВѢТЛИЦА.

КНЯГИНЯ и МАМКА.

Княгиня.

Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ.
Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
Съ меня очей, бывало, не сводилъ:
Женился онъ — и все пошло не такъ!
Теперь меня ранехонько разбудить,
И ужъ велить себѣ коня сѣдлатъ,
Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздитъ.
Воротится — чуть ласковое слово
Промолвить мнѣ, чуть ласковой рукой
По бѣлому лицу меня потреплетъ.

Мамка.

Княгинюшка! мужчина, что пѣтухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крыломъ — и прочь!
А женщина — что бѣдная насѣдка:
Сиди себѣ да выводилъ цыплятъ.
Пока женихъ — ужъ онъ не насидится,
Ни пьетъ, ни ѣстъ, глядитъ, не наглядится;
Женился — и заботы настаютъ:
То надобно сосѣдей навѣстить,
То на охоту ѣхать съ соколами,

То на войну нелегкая несетъ,
Туда, сюда — а дома не сидится.

Княгиня.

Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ ли у него
Зазнобы тайной?

Мамка.

Полно, не грѣши.
Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
Ты всѣмъ взяла : умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
Родимая : ну, въ комъ ему найти,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?

Княгиня.

Когда бъ слышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
Умѣла вновь я мужа привязать....
А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
Домой пріѣхалъ. Что жъ его не видно?

(Входитъ Ловчій).

Что Князь, гдѣ онъ?

Ловчій.

Князь приказалъ домой
Отѣхать намъ.

Княгиня.

А гдѣ жъ онъ самъ?

Ловчій.

Остался

Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра.

КНЯГИНЯ

И Князя вы осмѣлились оставить
Тамъ одного? Усердные вы слуги!
Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите
Сказать ему, что я прислала васъ!

(Ловчій уходитъ.)

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютый челоуѣкъ,
И лѣшій бродить — долго ль до бѣды!
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.

МАМКА.

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

РУСАЛКИ.

Веселой толпою,
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплываемъ;
Насъ грѣетъ луна!...

Любо намъ порой ночью
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,

Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхатъ.

О д н а .

Тише ! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.

Д р у г а я .

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ.

(Прячутся).

К н я зь .

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила....
Знакомыя, печальныя мѣста !
Я узнаю окрестные предметы :
Вотъ мельница.... Она ужъ развалилась ;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ ;
Сталъ жорновъ : видно, умеръ и старикъ !
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго !
Тропинка тутъ вилась — она заглохла....
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ — неуже ли
Разросся онъ кудрявой этой рощей ?
Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный ! Здѣсь она
Обнявъ меня, поникла и умолкла....
Возможно ли ?...

(Идетъ къ дверямъ ; листья сыплются).

Что это значитъ ? листья,
Поблкнувъ, вдругъ свернулися, и съ шумомъ,
Какъ дождь, посыпалися на меня !

Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое.

(Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой.)

С Т А Р И К ъ.

Здорово,

Здорово, зять !

К Н Я З Ъ.

Кто ты ?

С Т А Р И К ъ.

Я здѣшній воронъ.

К Н Я З Ъ.

Возможно ль ? это мельникъ !

С Т А Р И К ъ.

Что за мельникъ !

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Ихъ рыбка одноглазка сторожитъ.

К Н Я З Ъ.

Несчастный, онъ помѣшанъ ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

С Т А Р И К ъ.

Зачѣмъ вѣчоръ ты не пріѣхалъ къ намъ ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

Старикъ.

Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю : сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ —
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бѣдный мельникъ !

Старикъ.

Какой я мельникъ ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай :
Когда (ты помнишь ?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ : два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу да каркаю.

Князь.

Какая жалость !

Кто жъ за тобою смотреть !

Старикъ.

Да, за мною
Присматривать нехудо : старъ я сталъ

И шаловливъ. За мной, спасибо, смотреть
Русалочка.

Князь.

Кто?

Старикъ.

Внучка.

Князь.

Невозможно

Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?

Старикъ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.

(Уходитъ).

Князь.

И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы: смерть равняетъ
Съ нимъ cadaго. Но человѣкъ, лишенный
Ума, становится не человѣкомъ:
Напрасно рѣчь ему дана — не править
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судить....
Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Раскаянья всѣ муки растравилъ.

Л о в ч і й.

Вотъ онъ. На силу-то его сыскали.

К н я з ь.

Зачѣмъ вы здѣсь?

Л о в ч і й.

Княгиня насъ послала ;

Она боялась за тебя.

К н я з ь.

Несносна

Ея заботливость ! Иль я ребенокъ,

Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?

(Уходитъ. Русалки показываются надъ водой.)

Р у с а л к и.

Что, сестрицы : въ полѣ чистомъ

Не догнать ли ихъ скорѣй?

Плескомъ, хохотомъ и свистомъ

Не пугнуть ли ихъ коней?

Поздно. Волны охладѣли,

Пѣтухи въ дали пропѣли,

Высь небесная темна,

Закатилася луна.

О д н а.

Подождемъ еще, сестрица.

Д р у г а я.

Нѣтъ, пора, пора, пора !

Ожидаетъ насъ царица,

Наша строгая сестра.

(Скрываются).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

ТЕРЕМЪ РУСАЛОКЪ. РУСАЛКИ ПРЯДУТЪ ОКОЛО СВОЕЙ ЦАРИЦЫ.

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло,
 Столбомъ луна блеситъ надъ нами. Полно!
 Плывите вверхъ подъ небомъ поиграть,
 Да никого не трогайте сегодня:
 Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,
 Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
 Травой и тиной, ни ребенка въ воду
 Заманивать рассказами о рыбакахъ.

(Входитъ Русалочка).

Гдѣ ты была?

Дочь.

На землю выходила
 Я къ дѣду. Онъ вечеръ меня просилъ
 Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
 Которыя когда-то въ воду къ намъ
 Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
 А что такое деньги, я не знаю.
 Однако же я вынесла ему
 Пригоршню ракушинокъ самоцвѣтныхъ:
 Онъ очень былъ имъ радъ.

Русалка.

Безумный скряга !

Послушай, дочка : нынче на тебя
Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Прійдетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ —
Онъ твой отецъ.

Дочь.

Тотъ самый, что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился ?

Русалка.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся
И Расскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, также
И про меня. И если спросить онъ :
Забыла ль я его имъ нѣтъ — скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня ?

Дочь.

О ! поняла.

Русалка.

Ступай же. (Одна.) Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Я каждый день о мщеньи помышляю —
И нынѣ, кажется, мой часъ насталь.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

БЕРЕГЪ.

Князь.

Неволью къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила!...
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться....

(Русалочка выходитъ на берегъ).

Что я вижу!

Откуда ты прелестное дитя?

.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ. РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

	СТР.
Посвященіе	2
Глава первая	5
Глава вторая	36
Глава третія	58
Глава четвертая	84
Глава пятая	108
Глава шестая.	133
Глава седьмая.	156
Глава осьмая	185
Отрывки изъ путешествія Онѣгина	214
Четыре отрывка и альбомъ Онѣгина.	225

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ.

Борисъ Годуновъ	237
Сцена изъ Бориса Годунова.	336

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

СТР.

I. Сцена изъ Фауста	339
II. Скупой рыцарь.	345
III. Моцартъ и Сальери	367
IV. Каменный гость	379
V. Пиръ во время чумы.	418
VI. Русалка	429

